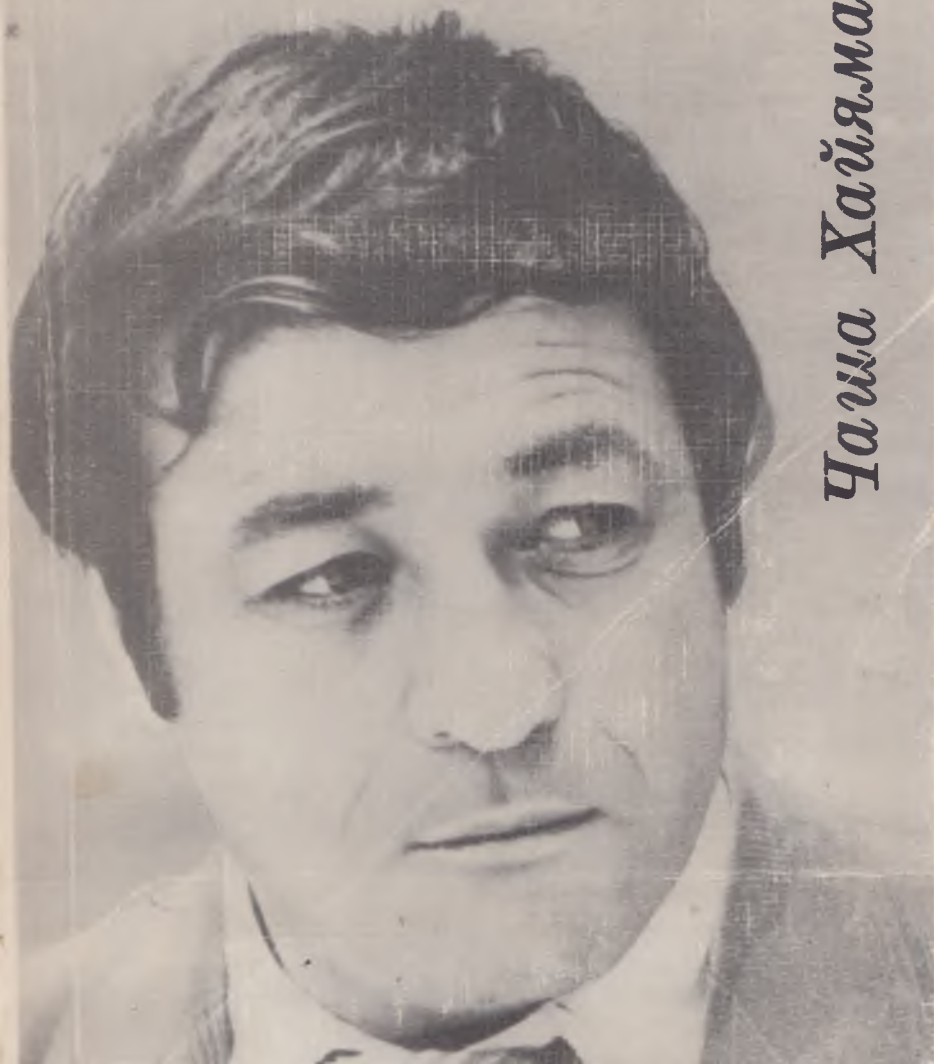

Ш49

ЛОИК ШЕРАЛИ

Чаца Хайяма

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПО-
обозначенного здесь срока

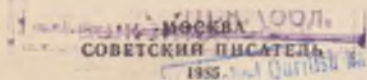
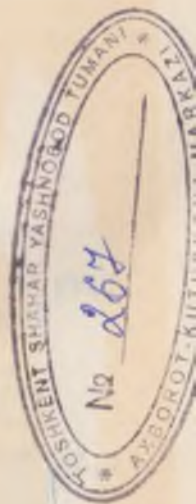
20/21-96-1245			

ЛОИК ШЕРАЛИ

Чама Хайяма

СТИХИ

Перевод с таджикского

Художник Борис Страхов

Шерали Л.

Ш 49 Чаша Хайяма: Стихи. Пер. с тадж. — М.: Сов. писатель, 1985. — 144 с.

Каждая новая книга известного таджикского поэта Лоика Шерали раскрывает неожиданный ракурс прочтения традиционных тем, заставляя читателя задуматься над духовными и культурными ценностями нашего времени, о мире в человеке и человеке в мире.

Ш 7402500200—289 324—85
083(02)—85

ББК 84.Тад 7

© Перевод на русский язык.
Издательство
«Советский писатель», 1985 г.

Сокровищница очей

ГИМН ГЛАЗАМ И СВЕТУ

Первый человек мечтал о свете
во мгле столетий.
В тесноте убогого жилища,
в темноте еще несвязных мыслей
он искал хоть малый лучик света,
он не спал до самого рассвета,
отражая звезды чернотою
ищущего взгляда своего.
Он впитал ночей бессонных лунность
и светильник в хижине повесил,
озарив навеки юность мира.
Первое искусственное солнце,
рукотворная звезда сняла
как предтеча будущих открытий.
Человек создал земное небо,
зажигая робкие лучины,
обжигаясь пламенем познания,
прозревая от потоков света,
для потомков освещая землю
вспышками своих пытливых глаз.
В светлом доме стало ему тесно,
трассы взгляда снова звали в небо
к маякам загадочной Вселенной,
к огонькам нездешнего накала,
и орбиты глаз его вмещали
медленный круговорот планет.
И познал он времени движение,
разгадал таинственные знаки,
обогнал глазами скорость света

и пронзил бескрайний мрак галактик
лазером ума и вдохновенья.
Все вместило око человека:
мир со всем, что есть в нем и что будет,
неба негатив тысячезвездный,
образ обжигающих светил.
Первым солнцем это око встало
над Землей,

над нашим вечным домом,
от которого ведут дороги
в бесконечность Млечного Пути.
Нам по ним идти тропею сердца,
нам по ним лететь на крыльях мысли,
нам нести и зажигать повсюду
свет добра —

свет наших ясных глаз.

* * *

В долгу мы перед небом и землей,
в долгу мы перед всеми в мире этом.
О Родина единственная — жизнь,
ты времени отмерила нам щедро.
В долгу перед землею предков плоть,
и каждый вздох — глоток родного неба.
Мы делу отдаемся целиком,
чтоб погасить немыслимость кредита.
Пульс взят взаймы у океанских волн,
глаза — микроскопические солнца.
Душою одарил нас дух добра,
в крови струятся все земные соки.
А наше имя сочинила мать,
мы обладаем силою отцовской.
Но все нам только временно дано,
и мы в долгу с рожденья перед жизнью.

Мы то летим, то клонимся к земле:
долги, они — и крылья и вериги.
Порой о них забыв, мы так горды,
опьянены придуманным бессмертьем.
Но каждый день, но каждый час и миг
в себя вбирает неподкупный вексель.
Всего погашен только первый чек...
Душой и плотью платим кредитору.
Все те долги, что мы несем в себе,
свидетельство, тому порукой совесть,
что, как бы ни был краток жизни срок,
все возвратим сполна любой ценою.
Но, даже рассчитавшись до конца,
достойно, с честью, славными делами,
живыми или мертвыми, мы будем
в долгу перед Отчизной нашей вечно.

УЧИТЕЛЬ

Один во главе государства стоит,
другой воспевает свое государство,
а тот открывает такое лекарство,
которое мир от беды исцелит.
Один пролагает в грядущее путь,
другой своей песней сердца наши будит,
а этот — герой удивительных буден:
как звездное небо, в наградах вся грудь.
Сегодня тебя они все превзошли
умом и почетом, заслуженной славой.
А ты вспоминаешь, чудак седоглавый,
какими сюда эти дети вошли.
Оттягивал руки тяжелый портфель,
«Букварь» удивительной книгой казался,
и ты головой к небесам прикасался,
ты был для них богом, учитель, поверь.

Задиры, наивные озорники,
дрались и смеялись, друг друга толкали...
Но ты начинал говорить, и смолкали,
внимали учителю ученики.
Ты в буквах открыл глубину языка,
в руках твоих глобус волшебно вращался —
на нем, на картонном, весь мир умещался —
весь мир! — непонятный еще им пока.
А детям открыть, чем наш мир так велик,
учитель, как это прекрасно, как трудно!
Что перед этим открытье Колумба?!
Душа человека — не материк.
Все, чем владел ты, им отдавал,
не только написанное на бумаге:
учил ты их мужеству, чести, отваге
и новые звезды в глазах открывал.
Их всех просто-напросто ты создавал.
Когда наступала уже перемена,
к тебе подходил — хоть один! — непременно
и сокровенный вопрос задавал.
С тебя начались, при тебе родились.
Мечтал ты, чтоб всех их вела от истока
добра и борьбы, и тревоги дорога,
дорога с коротким названием — жизнь.
И если звезду во Вселенной найдет
оправленный в оптику глаз астронома,
он вспомнит, что где-то, на родине, дома
живет седоглавый чудака-звездочет.
И если геолог в далекой тайге
отыщет в земле тайники золотые,
то вспомнит, что в детстве, что в школе
о золоте этом поведал тебе.
И если в космической мгле, в корабле
восторгом засветится взор космонавта,
он вспомнит: ему ты в галактику Завтра

впервые

маршруты прокладывал там, на Земле.
Не надо бояться возвышенных слов:
ты — нашего времени главный хранитель,
наш сельский, наш славный, наш скромный
учитель —
искатель талантов, создатель умов.

* * *

От рожденья любой человек — поэт.
И в младенце и в старце живет поэт.
Если боль чужая кому-то близка,
значит, в сердце на миг возникла строка,
но исчезла она, не коснувшись листа...
В бурной жизни и юноши и старика
умирает внезапно поэт, увы,
умирает, еще не родившись, увы.

И в каплях весны и в кипенье страстей,
и в незрелом воображенье детей,
и в молчанье влюбленных над тайной души,
и в стыдливости девушек возникает поэт,
возникает, не ведая сам того,
покидает мир, не войдя в него.

Каждый раз, когда буря в сердце у нас,
вновь печали парус рвет на куски,
когда, наткнувшись на риф тоски,
разбивается насмерть сердце в груди,
вместе с сердцем поэт умирает, увы,
каждый раз умирает поэт, увы.

Каждый раз, когда в безрассудстве своем
рубим сук, на котором сами сидим,
и блуждаем в бездушии, как в лесу,

убиваем поэта беспечной рукой,
убиваем поэта в себе самих.

Если пламя огня превратилось в золу,
если кто-то оболган в темном углу,
если саженцы вырваны и всюду бурьян,
если слышится чей-то трагический стон,
это где-то поэт был приговорен,
это он умирает в стенаниях, он.

Каждый день от ошибок твоих и потерь
умирает поэт в каждом сердце, поверь,
в каждом доме, на каждой дороге земной
умирает поэт, не познавши себя,
не оставив ни памяти, ни следа.

Умирает поэт, но однажды придет
тот, кто гимн всем умершим поэтам споет,
чье могучее слово в зенит вознесет
все неспетые песни, ушедшие в ночь.
Он придет всех погибших в себе воскресить,
он придет, чтоб безмолвье веков огласить.
Он придет, если ждет его слова народ,
он придет, если этого требует жизнь,
он придет, если пробил его звездный час,
он придет, если больше не сможет молчать,
он придет в свое время,

в свой день,

в свой черед.

Никогда не родится до срока поэт.

СТОЛБЫ

С первой конницей Советов,
с русской девушкой-врачом
принесли вы чудо света,
небо подперев плечом.
Направлял солдат в шинели
провода туда-сюда. . .
А вокруг леса шумели,
в вас оставшись навсегда.
Те леса в снегах и росах —
ваша родина, столбы.
Вы для слабого как посох,
вехи солнечной судьбы.
Как солдаты, вы шагали
даже там, где тропок нет,
и повсюду зажигали
новой жизни яркий свет.
Ночью провода звенели. . .
Вы, забывшись кратким сном,
снова юно зеленели
там, в своем лесу родном.
Так бы и росли вы где-то
в тихой чаще у себя. . .
Но необходимо древко
всем победам Октября.
Добровольцы-новобранцы,
в прошлом кедр, сосна и ель,
нелегко было добраться
к нам за тридевять земель.
Тусклый костерок пастуший
стал при вас еще тусклей. . .
Но глаза людей — светлей,
их согрел рассвет грядущий.
Вековую тьму небес
озарил нам русский лес.

Если в сердце раны нет, ты не чувствуешь его,
и, пока не заболит, голова не тяжела.
Лишь разлука может все о любимой рассказать...
Кем была, поймешь, увы, лишь когда она ушла.

И пока не пересох полноводный твой арык,
не узнаешь ты, что он был прекрасней всех морей.
Сердце ошибется вдруг и — потерян лучший друг,
кто был лучше, узнаем мы, лишь потеряв друзей.

Юн пока ты и влюблен, лет не замечаешь ты,
не имеет жизнь границ в молодости испокон.
Но состарятся когда все желанья в душе,
ты поймешь: неумолим стрелок бытия закон.

Если на холмах трава не сгорела
в летний зной,
и не замечаем мы, что весна давно прошла...
Мы не смотрим на луну, если на небе она,
вспоминаем о луне, лишь ее проглотит мгла.

Забываем песни мы и того, кто их нам пел...
Вовремя остановись, пристальной во все
вглядись.
Может получится так: незаметно жизнь пройдет,
нам останется гадать, а была ли эта жизнь?

ТРЕВОГА

(Думая о Чили)

Эй, вы, марионетки из золота и серебра,
эй, вы, рабы кошелька и кобуры,
какой ценой хотите
купить свое бессмертье?

Вам место уготовано
давным-давно в аду:
вы — монстры человечества,
и гордый блеск оружия
померк в позорных пожнах
ваших преступлений.
И нестерпимо солнце
для ваших глаз, слепцы.
Оглохли вы от выстрелов
и стонов ваших жертв.
В беззвучном мире злости
вы рвете струны песен,
и пальцы гитариста —
с хрустом! — под сапог.
Ничтожества, взошедшие
на пьедестал из тел,
вы победить бессильны
всесильное искусство
и оттого стреляете
в упор в его творца.
Бессмертен гений духа.
И вы, скрипя зубами,
пытаете поэта,
раз не убить стихов.
Вам чужды мысль и чувство,
вам недоступен разум,
но лаем автоматов
его не заглушить.
Вы — виртуозы казней,
вы — рыцари застенков,
вы — жизни палачи.
Но даже после смерти
в строю остались люди.
От мести справедливой
вам никуда не деться.
Они и после смерти

уничтожают вас
гранатою гитары,
обоймой строк призывных,
штыком разоблаченья,
словами, тяжелее железной булавы.
Сгорели дом и книги
неистового Пабло,
но пламя его правды
сильнее всех пожаров,
и вы не избежите
священного огня.
В агонии последней
вы корчитесь от страха,
живые мертвецы.
Смерть сеющие, были
вы рождены в могиле,
а не в колыбели.
Развеет прах ваш жалкий
гнева и свободы
непобедимый ветер.

* * *

Ты, как Земля, одинока, мать,
и, как Земля, единственна, мать.

Землю делили дети твои,
на части дробили дети твои,
друг другу дарили дети твои,
но Землю любили дети твои
и поняли, поняли дети твои:
Земля неделима.

Ты как Земля и как небо, мать,
ты как Луна и как Солнце, мать.

Сердце твое и любовь твоя
нам, твоим грешным детям,
одинаково светят.

Под нами упруго звенит земля,
над нами в зените Луна или Солнце.
Но среди яркого дня и в ночи,
нам посылая свои лучи,
как ты, единственны и одиноки, мать.

У каждого есть земля, где рожден,
есть дом, есть свой путь, есть место
свиданий...

Поэтому в самом начале, в самом конце:
мать — это Родина, а Родина — мать
в первом,
единственном,

вечном лице.

Единственна ты, но повсюду с нами,
ты одинока, но мы с тобой.

Источник радости нашей — ты,
источник светлой печали — ты,
источник сегодняшнего дня
и будущего исток.

Нет двух планет
под названием — Земля,
нету двух Солнц в галактике нашей,
нету двух Родин и двух матерей.
Они, как материя,
вечны, едины.

КРАСОТА ЖЕНЩИНЫ

Была ты розовым кустом в саду любви.
Была тогда ты молода,
как вешняя вода.

Вплетала в косы вместо лент
влюбленные сердца
и каждому казалась ты единственной всегда.

Как новогодние огни, нарядна ты.

И самый тонкий в мире стан
тебе природой дан.

Свет жизни у тебя в глазах, мед ночи на устах...

И каждый попадался сам в твой солнечный капкан.

Твое лицо невинно так, что все вокруг
казались грешными во всем:

и малом и большом.

Но... красоте пришел конец, как хлебу и воде
в финале долгого пути, что жизнью мы зовем.

Остыл неистовый огонь в твоих глазах:

он столько осветил дорог,
что не сгореть не мог.

Пусть красоте пришел конец, как хлебу и воде,
но сколько родила она

и подвигов и строк!

* * *

Устав от сует, обращайся к надежде.

Жизнь наша контрастна, как юность и старость.

Пусть холоден разум — любовь безрассудна.

У каждого есть нераскрывшийся парус

и полюс, который загадку жжется...

У каждого есть невзошедшее солнце.

Срываем цветы мы в саду наслаждений,
своею судьбою довольны, как дети.

Но сколько бы мы цветов ни срывали —
у каждого есть в его пышном букете
цветок, не успевший до срока раскрыться,
мечта о мечте, которой не сбыться.

Мы жертвуем жизни сердца на закланье,
не раз чашу риска в себя опрокинем,
блаженны, пока мы несовершенны,
став совершенными, просто погибнем.
У каждого есть свой путь непроложенный,
у каждого стих есть, пока что не сложенный.

У каждого в сердце — неспетая песня.
В груди нашей тайна взорваться готова,
и острое чувство нас ранит кинжально,
волнение порой не вмещается в слово.
У каждого есть нерасцветшие весны,
у каждого есть негорящие звезды.

У каждого в сердце есть клад неоткрытый,
боль неуловимая любви безответной
и есть нецелованная любимая...
У каждого есть плод, желанный, запретный,
и крик, на губах молчащий кроваво,
и неиспробованная отрава...

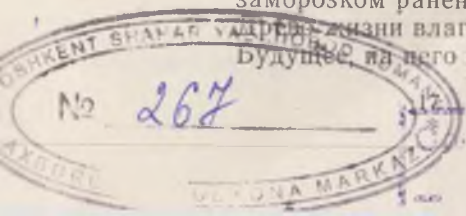
ДЕВУШКА-ТАДЖИЧКА

Спускаются ей на плечи
мягкие влажные косы.
Глаза, как будто от смеха,
неуловимо раскосы.
Бисером тибетейка
на звездное небо похожа.
Видишь ее счастливой —
и счастлив становишься тоже.

Я вижу ее спешащей
к институту и к школе,
я вижу ее парящей
на белом хлопковом поле.
Я вижу ее склоненной
в троллейбусе над газетой...
Встречаюсь в Таджикистане
повсюду с девушкой этой.
Она скромна и стыдлива,
в румянце смущенном щеки...
Но сильны ее руки
и широки дороги.
С виду она так спокойна,
в движениях нетороплива,
но в плавности этой таится
властная страсть порыва.
Таится жажда полета
и перемен волшебных,
лавина с вершины сердца
в пропасти тайн душевных.
Вот-вот распластает крылья
и, как легкая птица,
ввысь, к неразгаданным звездам,
уверенно устремится.
Так как ей не торопиться?
Молодость ждать не хочет.
Летит, спешит...
Ищет счастье.
И — непременно! — находит.

* * *

Первая любовь — зеленый плод,
заморозком раненный жестоко.
Жизни влагу весен пьет.
Будущее на него надейся.

Колокол мятежный сердца, бейся!
Только ты в котомке у меня
в странствии по государству строчек.
Красотой лучистого огня,
камень драгоценный мой, налейся.
Колокол мятежный сердца, бейся!
Ты дымишься иногда в груди,
новую любовью обжигая.
Нелегко с тобою мне в пути:
ты лукавее любого беса.
Колокол мятежный сердца, бейся!
Как пусты раскаянья пески!..
С них взываешь ты к любви ушедшей.
Но порой забвение тоски
шепчет: «На золе моей согрейся...»
Колокол мятежный сердца, бейся!
Жизнь огромна и она мала,
не всегда луна восходит в небе.
Ах, была бы голова цела! —
шапка обязательно найдется.
Колокол мятежный сердца бьется...
Ах, была бы только красота! —
кто-нибудь полюбит непременно.
Ломимся, а дверь-то отперта...
Над полетом курицы посмейся.
Колокол мятежный сердца, бейся!

Мы должны допить свое вино,
осветить безумьем тихий сумрак
и наречь всех тех, кому дано
появиться в этот мир безбрежный.
Бейся, сердца колокол мятежный,
бейся!

ДЕВУШКА ИЗ КИШЛАКА

Не уходила ты на фронт, как русская подруга,
не бинтовала раны проворною рукой,
не выносила на себе солдата с поля боя,
припав к нему запавшей, измученной щекой.
Но ты туда, где шла война, платок послала алый,
как память о далеком любимом кишлаке,
чтоб в долгожданный день весны,
в канун Победы нашей,
как маленькое знамя, он нес его в руке.
Ему писала обо всем в своих подробных письмах,
его спасало это во фронтовом дыму...
Но одного не знал солдат, как тайно целовала
далекое его лицо, припав своим к письму.
Во время жатвы на току ты не спала ночами,
как зрелая пшеница, клонилась голова
на грудь усталую твою, где было столько боли,
которую вовеки нельзя облечь в слова.
Смотрела неотрывно ты на пыльную дорогу,
и были твои брови сурово сведены,
а сердце рвалось на куски, как будто в пасти волка,
ведь молодость — пора любви,

она не для войны.

В уединении полей ты песню скорби пела:
«Да сгинет тот, лукавый, кто натянул свой лук,
кто заготовил столько стрел и на меня нацелил...
Как ранят эти стрелы печалей и разлук!»¹
Делило поле боль с тобой и отвечало поле:
«Ждешь своего солдата уже который год...
Колосья спелые мои ты в срок успела, сжала,
спасла меня, сестренка, а кто тебя спасет?»
Жила ты, словно в глухоте, в безмолвье

постоянном.

---

¹ Из народной песни.

Ах, как тебя пугала немая тишина!
Был очень тихим наш кишлак: ни выстрелов,
ни взрывов...
От этого еще страшней, еще страшней война!
Не уходила ты на фронт, как русская подруга.
Не женская работа твои ладони жгла.
И словно мины, в кишлаке взрывались похоронки...
Все вынести сумела, а молодость прошла.

* * *

Когда-нибудь я украду тебя у судьбы,
когда-нибудь я тебя у тебя похищу.
На крыльях сказочных унесу
свою несбыточную добычу.
Ради тебя,
ради твоей любви
против себя, против судьбы восстану.
Из темницы диких обычаев,
из цепей предрассудков,
из оков благонравия,
из сетей предписаний,
из капкана притворства
я достану тебя,
залечу твою рану.
Откуплю у торговцев твоей красотой —
у жестокой родни и у жалкого мира.
Я сорву эту ханжескую паранджу
и тебя, став спасителем, освобожу.
Ради тебя
вызываю огонь на себя.
Ради тебя навсегда
уйду я из отчего дома,
подобно Адаму, сменившему рай
на зерна мозолей, достойных мужчины.

Ради тебя
из застенка судьбы
я убегу, чтоб навеки похитить
тебя у тебя,
как у Зевса огонь — Прометей,
чтоб ты до конца озаряла собой
ночь влюбленного сердца.

О, МОЛОДОСТЬ...

Ты полон нетерпения, ты дерзок
с небесными богами и земными.
Упорствуешь, кипишь и негодуешь,
прокладывая путь себе нелегкий
к вершине правды, к поднебесью духа
над пропастями собственных ошибок.
Ты, как Шаддод, стрелу пускаешь в бога,
чтобы, убив его, стать богом самому.
Но небо ту стрелу не поглотило,
а возвратило и вонзило в рыбу...
Следы стрелы на рыбах и поныне —
зияют жабры, как сквозная рана¹.
Стрелять по небу — это безрассудство:
стрела, вернувшись, или ранит землю,
или казнит тебя, наивный лучник.
А справедливо ли, стремясь стать богом,
стрелять по небу, попадая в землю?!

Ты пенишься, бурлишь рекой весенней,
пробить пытаешься каменные горы.
Полны ущелья твоего веселья
и грохота, тобою побежденных,
размытых берегов и скал сраженных.
Ты во хмелю безбожна и упряма.

---

¹ Мифологический мотив.

«Взгляните, это я!» — кричишь ты миру,
кичишься бесполезною победой,
но...

кончится весна, снега растают
и высохнут живительные воды,
питавшие тебя, река хмельная.
Наступит лето и оставит в русле
воды, чтобы вращать колеса мельниц.
Найди себя сначала только в малом,
и ты поймешь великого величье,
о, молодость!
о, молодость!

* * *

Так похожи друг на друга мы с тобой,
потому что родились весной.
Шли дожди, когда мы родились... Удивись!
Цвел миндаль, когда мы родились.
Миндаля сиреневатый дым
словно нимб:
Мы под небом родились одним... Под одним!
Только крыши разные у нас.
Кто мог знать: в какой-то день и час
под весенний дождик голубой
в этот мир мы явимся с тобой?

Тайна! Греза! Из небытия
появились в мире ты и я.
Взглядом сердца всюду узнаю
вестницу весеннюю мою.
Думать о тебе не устаю...
Как давно вошла ты в жизнь мою!
Дар страданий, строк моих радар,
ты зажгла в крови моей пожар.

Ты пришла неожиданно по весне,
ничего не зная обо мне...
Зная все! Лелея боль в груди,
мучаюсь я, как тебя найти?
Ты моя весна, мечта, судьба.
Потеряв себя, ищу тебя.
Без меня в любой дали земной
будь со мной... О, только будь со мной!
Без тебя, где б только ни был я,
я с тобой, любимая моя!
Многие, сжав руки, далеки.
Многие в разлуке, но близки.
Мы — два сердца, бьющиеся в лад.
Ты летишь, и я с тобой крылат.
Жажда сердца мучает двоих...
И тогда родник забил для них.
У того святого родника
встречу я тебя наверняка.

Ты весною родилась, и я.
Ты дождем весенним пролилась, и я.
Удивись!
Цвел миндаль, когда мы родились...

СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИИ

Академику Б. Гафурову

Свидетельство истории гласит:
в любые времена, во все века
порабощать другой народ
в поход
не вел таджик суровые войска.
Терпел превратности судьбы таджик,
терпел из века в век, из года в год:

меч злобы, зависть, фанатизм...
Так жить
учился он у стойких наших гор.
Топор, вонзенный в камень, ранил плоть.
Доныне склоны гор рубцы хранят.
И каждый окровавленный халат
был саваном, но и кольчугой был.

Свидетельство истории гласит:
таджик перед врагом не отступал
и этому всегда учил детей.
Он стойко умирал...
Он столько умирал, что пьедестал
создал для жизни из своих смертей.

Идеи гибли, боги, города,
религии, властители, миры.
И восходили гордо на костры
ученые, певцы и мудрецы.
От жертвенного пламени того,
от лютого жестокого огня
осталась искра малая одна
навек в глазах народа моего,
горенью научившая людей.

Темнело небо от чужих коней...
И как бы горы ни были тверды,
копыта высекали из камней
все те же искры гнева и беды.
Они рождались в звоне двух мечей,
чтоб сердце моих предков обжигать,
чтоб стать подобьем солнечных лучей
и научить гореть и побеждать.

И вот пришел великий человек.
«Из искры возгорится пламя!» — он

сказал. И это — вечности закон.
И начался разлив весенних рек.
И снова искра, но от глаз его,
затмила все, что было позади,
и озарила все, что впереди.
Огонь мятежный запылал в груди
смятенного народа моего.

От искры глаз его прозрел народ
и различил среди отступившей мглы
веков минувших мрачные углы,
узлы коварства, кандалы невзгод.
Сам на себя взглянув, познал себя:
свое лицо, свой род и свой язык.
Родился будто заново таджик —
теперь в его руках его судьба.

Если глазами Ленина взглянуть
с сегодняшних вершин в седую даль, —
извилистый откроется нам путь,
которым шел народ мой — в этом суть! —
хотя платил немислимую дань.
Он шел, он всюду земли покорял,
но не мечом, а духом молодых
наук и мудростью легенд седых —
их и Восток и Запад повторял.
Стихами, что до наших дней дошли,
уменьем красоту придать всему,
величьем чувств и добротой души.

История свидетельство тому.

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

(*Ответ завистникам Рудаки*)

Богатством хоть и не сравнюсь с Рудаки,
слов не меньше его знаю. Если он своей слепотой
обрел мир, из-за мира слепым я не стану.

Абузироа

О вы, оценщики своих заслуг,
торгующие чувствами и музой,
о вы, льстецы, лжецы и подлецы,
вы стали веку своему обузой.
Заблудшие на творческом пути,
вы просо выдаете за пшеницу.
Вы просто так играете в слова,
терзаете всю жизнь одну страницу.
В озлобленном невежестве своем
вы золотом зовете медь простую
и пламенем считаете золу,
наполнив ею вашу печь пустую.
Вы ложь, как нож, храните до поры.
От страха вызывающа осанка,
но вас трясет предательская дрожь,
и храбрость ваша — трусости изнанка.
Вы дома у себя сродни царям,
вы на пирушках истин всех защита,
но низкий посылаете поклон
тому, чья дверь для вас всегда закрыта.
Поэт — пусть слеп! — он времени глаза,
а вы — слепцы, хоть посох вам не нужен.
Поэт — эпохи сын и господин,
а вам лишь искушенья змий послушен.
Поэт — зеркало будущих времен,
вы — вдребезги разбитая стекляшка.

Поэт — солдат народа и вожак,
вам ближе к телу лишь своя рубашка.
Не тратите ни хлеба, ни души,
отяжелевшей в праздности от жира.
Вас страсть влечет к стихам?

Ха! Ха-а!

Нет, не стихи нужны вам, а нажива.

ВДОХНОВЕНИЕ ОТ «ШАХНАМЕ»

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ СЫН КОВЫ

Из-за давних войн и недавних
человек на Земле страдает.
Злые стрелы из лука прошлого
до сих пор в него попадают.
Так устроено в этом мире,
он от предков нам весь достался:
враг, разбитый во время оно,
для потомков врагом остался.
И Кова до сих пор в тревоге,
успокаиваться не смея:
восемнадцатый сын — последний! —
может стать добычею змея.
Змей Заххак, пусть к скале прикован,
жив еще в чьих-то темных душах.
Потому забывать не смеем
мы кровопролитий минувших.
Сам Кова, что ковал серп и молот,
но не плавил металл для смерти,
сможет, жив дух войны покуда,
и мечи отковать, поверьте.
Он избрал на Земле бессмертье,
это правильное решение:
потеряв сыновей — семнадцать! —
жаждет праведного отмщенья.
Он не только герой поэмы,
над сынами ронявший вздохи, —
кара злу и насилью кара,
справедливость каждой эпохи.
В нашем мире, где хватит мига,
чтобы... даже подумать страшно! —

для Ковы нет на миг покоя,
он открытым сердцем отважно
заслоняет сына — последний! —
от угрозы огня и мрака.
Он стоит на страже бессонно,
знает: жив еще дух Заххака.
Притупилась боль от утраты,
в этом жизни целебная сила,
но утратить всю Землю сразу,
разом... Это непереносимо!
И Кова из города в город,
от села до села шагает.
И проклятая тень Заххака,
шаг услышав его, отступает.
Он идет неустанно по свету,
всех людей, всех идей посредник:
для него человечество — это
восемнадцатый сын...
Последний!

ПЛАЧ КОВЫ ПО СЕМНАДЦАТИ СЫНОВЬЯМ

В холодной груди моей бьется
надрывный плач сердца,
как в доме затихшем пустом колыбель без младенца.
На царском веселом пиру чаши пьяно двоятся,
как минареты и башни в глазах иноверца.

Небо несчастной Земле шлет взоры страдальца,
плачет оно обо мне, проклиная земные злодейства.
Как одиноки Земля, небеса и далекие звезды!..
Вместе со мною хотят оплакать убитое детство.

ПЛАЧ ТАХМИНЫ ПО СУХРАБУ

Я — Тахмина, я — Тахмина.
От горя, как ночь, я темна.
Скорбь по Сухрабу-богатырю
высушит душу до дна.
Я в мире осталась одна.
Ночей моих сладких луна,
Сухраб мой — сердца мехраб¹,
навек лишилась я сна.
Всю кровь твою чашей вина
вражды и коварства страна
плеснула в дорожную пыль...
И в этом Рустама вина.
Упал ты, сраженный, с коня,
мечом бесполезным звеня.
Не кровь пролилась — молоко,
и словно не стало меня.
Так вышло: средь белого дня
отец твой, себя же казня,
тебя не узнал и убил...
Я плачу, ту встречу кляня.
Твержу я, Рустама коря:
растила сады свои зря,
меня нож твой острый настиг,
бессмертье Сухрабу даря.
Погасла всей жизни заря,
моя опустела земля.
Кто гроб мой теперь понесет,
молитву сыновью творя?
Судьба, злая воля твоя
разрушила свод бытия.
Пошли милосердия, бог,
прошу справедливости я.

---

¹ М с х р а б — алтарь.

ВЕЛИЧИЕ РУСТАМА

Дьяволу вражды шею я свернул,
шах меня дурачил, да не обманул.
Никому Рустама ¹ вовек не победить —
наковальни мог я кулаком дробить.
Достойным человеком не был Кей-Кавус ²,
все равно я, небом и землей клянусь,
из позора плена его освободил
и на трон Ирана шахом посадил.
Сам своею волей я его создал,
на куриных крыльях недолго он летал.
Кей-Кавус, вкушая сладкий шахский хлеб,
без меня во всем был глуп, и глух, и слеп.
Шел я сквозь победы, жил я на виду,
смерти не боялся, укрощал беду.
Но подкралось горе, как змея во сне,
и пришлось Кавусу поклониться мне.
Понял я впервые, что такое страх:
умирал Сухраб мой на моих руках.
Взглядом, полным муки, из последних сил
у меня спасенья мой Сухраб просил.
Чтобы у Кавуса вымолить бальзам,
униженья чашу выпил сам Рустам:
перед ним колени воина согнул.
Он в ответ внезапным гневом полоснул.
В первый раз удача обошла меня...
Не забыть мне этого проклятого дня!
Униженья чашу не забыть вовек...
Крикнул я Кавусу: «Ты не человек!»
Ради твоей славы шел я сквозь огонь,

---

¹ Рустам — богатырь, у таджиков олицетворение силы и благодарства.

² Кей-Кавус — легендарный шах древнего Ирана.

падал от усталости подо мною копь.
 Ради славы трона, трона твоего
 не жалел я в этой жизни ничего.
 Сам бы мог стать шахом, но, о том и речь,
 всем земным богатствам предпочел я меч.
 Чтобы жить достойно мог на свете я,
 чтоб была спокойна родина моя.
 Но не знал я, предан бою и мечу,
 что твой громкий титул сыном оплачу.
 Что о милосердии здесь не говорят
 и взамен бальзама предлагают яд.
 Рану поражения ты мне — ты! — нанес,
 Кей-Кавус, которого я на трон вознес.
 Славу победителя я себе верну,
 но тебя, предателя, навеки прокляну.
 Не боль и не оружие, не череда невзгод,
 а только равнодушие меня во мне убьет.
 Я горд был своей доблестью, но понял в час беды:
 бессилен перед подлостью, как...

предо мною ты.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РУСТАМА

Сверкают лучи на мече,
 мрак утренний ими прошит.
 Узнали? Рустам легендарный
 в бой праведный снова спешит.
 Вновь голос Фирдоуси
 ожил в бессмертии строф.
 На поле брани Рустам
 спешит, к сраженью готов.
 За справедливость он,
 против зла и вражды,
 пока скорбит человек
 в тяжких цепях беды.

Свобода — главный закон
его высокой души.
Вскипают повсюду не зря
бунты и мятежи.
Голос Фирдоуси
набатно тревогу бьет:
настал день мечей и битв,
срывай кандалы, народ!
Летит конь Рустама — Рахш,
словно ветер побед.
В седле Рустам-богатырь,
равного ему нет.
В мужественном лице
отважная красота.
В сражениях всей Земли
он впереди всегда.
Героем он выходил
из трудных боев не раз.
Хоть умер он в «Шахнаме»,
дошло его имя до нас.
Он — цвет Ирана, он —
величие прошлого, но
в Берлине последний бой
принять ему суждено.

КАРАЮЩИЙ ДУХ

Дух Рустама в незримом седле
ищет вечную жизнь на Земле.
И во мраке веков не потух
Тахмины карающий дух.
У Рустама горит на челе
знак раскаяния, как недуг.
Плоть Сухраба в алой крови
корчит пытка предсмертных мук.

Звенит он уздечкою и стремями
над племенами и временами.
И поражаются этому чуду
люди повсюду в любые эпохи.
Напряжено мускулистое тело,
но — так давно! — седло опустело...
Пустое седло для Рахша — обуза.
Давно отшумела пора Кей-Кавуса.
Но Рахш все летит, все летит,

и, как прежде,
мятежен покой, и свобода крылата.
Он пастбищ не знал,

помнит лишь поле брани,
покуда не стали жить в мире земляне.
На круп его вечность легла, как попона,
от баргустувона¹ Рахша избавив.
Духом Ирана над миром парит он,
трогая звезды нетленным копытом.
...Он похоронен рядом с Рустамом.
И если Рустам позовет за собою,
готов Рахш к любому неравному бою.
Недаром счастливой звездой он отмечен:
он вечен,

пока человек человечен.
Могилу свою не считая могилой,
не спит чуткий страж —

наш Рахш легкокрылый.
Лишь донесется эхо набата,
разбудит Рустама, как было когда-то.
И понесется со скоростью света,
чтоб не погибла планета
Земля.

---

¹ Баргустувон — кольчуга для коня.

ЗАЩИТА

Пройдите по Ирану и Турану —
нет война, подобного Рустаму.
Завидовали многие герои
его отваге, мужеству и стану.
Он защищен волшебной силой слова,
всегда душа для подвига готова.
Перо Фирдоуси — его защита:
он, погибая, оживает снова.
Пока о нем поют живые строки,
властители, как ни были б жестоки,
воители, как ни были б бесстрашны,
бессильны перед ним. . . И даже — боги!
Смерть от меча, от палицы, кинжала
всю жизнь Рустаму только угрожала.
И лишь строфа о гибели в поэме
последним приговором прозвучала.
Творение волшебного калама¹
во всех боях он побеждал упрямо.
Один Фирдоуси — поэт мятежный —
сильнее несравненного Рустама.
Во все века в любом краю планеты
героев защищать должны поэты,
хоть сами беззащитны, словно дети. . .
Все человечество живет в поэте.
Трепещет его сердце иль убито,
оно — всем обездоленным защита.
Герой, его строкою заслоненный,
живет,
                        бессмертной славой осененный.
Пусть нет защиты в мире у поэта,
не страшно это, о,
  не страшно это!

---

¹ К а л а м — перо (тюрк.).

ЗАВЕЩАНИЕ ФИРДОУСИ

В небе звезду астроном открывает
совсем не затем, совсем не затем,
чтобы она ему в жизни светила
ярче, чем всем,

дольше, чем всем.

Поэт зажигает истины звезды,
но такова у поэтов судьба:
солнце отдаст он за счастье народа,
и лучика не попросив для себя.
И для того ли весеннее поле
вспашет крестьянин на ранней заре,
чтобы оно лишь одно колосилось?
Заботят его все поля на Земле.
Поэт — тоже сеятель, тоже крестьянин,
и в жизни желает он лишь одного,
чтоб слово дало только добрые всходы.
Весь мир — вот великое поле его.
Зодчий не выстроит дома такого —
это творца непреложный закон,
где, как в тюрьме, человек бы томился
среди мрачных стен

без дверей, без окон.

Поэт — тоже зодчий, тоже строитель.
Он отдает свою плоть, свою кровь
фундаменту жизни, чтоб стали однажды
дружба дружнее,

влюбленной любовью.

Первопроходчик — планеты разведчик,
кто километрами шаг подковал,
на неизвестные земли ступая,
не для себя их совсем открывал.
Поэт, начинающий новую книгу,
знает, как трудно дорогу торить,
чтобы открыть человечеству правду,

новое слово ему подарить.
Если ты ищешь в поэзии выгод,
желаю тебе, чтоб ты их не нашел.
Я, этот мир переполнив словами,
с пустыми руками из мира ушел.
Меня вспоминай, позабудь про веселье
и благ не проси у труда своего.

Поэзия — вот для поэта награда,
и больше не надо ему ничего!

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

В тюрьме из глинобитных стен,
во тьме своей тоски
терпя превратности судьбы,
обычаев тиски,
мечтая тайно о любви,
петь не решаясь вслух,
таджичка юная жила,
скрывая вольный дух.
Но взбунтовалась вдруг душа,
как соловей в саду.
И вот она пришла в Чорсу
и сбросила чадру.
Так утром падает звезда
с хрустальной высоты,
почти ослеплена Чорсу
сияньем красоты.
А девушка сожгла дотла
постылую чадру.
И поразила вся Чорсу
подобному костру.
Собрались люди у огня
и, глядя на костер,

плевались: «Позабыла стыд!
распутница... позор!...»
И жаром нового костра
взметнулись над толпой
и беспощадный гнев отца,
и брата стыд тупой.
Горела не чадра, а та,
что сбросила чадру...

Как будто бы с небес звезда
скатилась поутру.

* * *

От каждой горы отобью камень малый,
из каждой реки отобью хоть глоток,
на каждом пиру подниму свою чашу
и в каждом саду я сорву свой цветок.
Чтобы, прощаясь в свой срок
с этим миром,
я возвратил бы наверняка
камешек, чашу, цветка полыханье,
каплю, что мне подарила река.
Возьму горсть земли с каждой древней
могила,
ее на поэзии холм вознеся.
Увидев цветущую жизнь, вспомню мертвых;
о прошлом вовек забывать нам нельзя.
Следы отыщу я на каждой дороге
всех тех, кто прошел здесь еще до меня.
Прошел по дороге, сошел ли с дороги,
с собой ли простясь иль с цветением дня?
Найду в каждом тайну скрывающем
сердце
нежданную радость, случайную грусть...

Проклятия шлю разрушителям мира,
а вот созидателям я поклонюсь.
Как собиратель народных преданий,
что бродит по свету, богатство копя,
так по крупинкам, по малостям самым
я из людей собираю себя.

Когда в невозвратные дали уйду я,
встречая последний свой луч золотой,
то необычную смерть предпочту я
жизни бесследной,

бесплодной,

пустой.

Сердце свое я всем тем завещаю,
в чьем сердце боль Родины вечно живет.
Руки свои, как орлиные крылья,
тем, кто собрался в далекий полет.

* * *

Еще один день нами прожит,
и радость и печаль дая.
Еще одно погасло солнце,
еще одна взошла заря.
Спокойной ночи, друг и брат!
День прожит, и никто не сможет
вернуть страницу бытия.
Всем, в ком родник надежды бьется,
от всей души желаю я:
пусть до рассвета мирно спят.
День прожит, мне в ночи не спится:
вновь вспомнилась мне мать моя.
Спокойной ночи, слышишь, мама?!
Спокойной ночи, мать-Земля!
Вас только двое у меня.
Устало спят на ветках птицы,

спят и вершины и поля...
А мотыльки летят упрямо
на пламя, крылышки паля...
Усните, факелы огня!
Не спят солдаты на границе,
чтоб до зари спала земля,
чтоб не было на ней ни шрама.
Земляне, вам желаю
спокойно встретить утро дня.
Тот слезы льет, а тот пригубит
ночного пиршества вино.
Тот работага, тот бездельник...
Но время всем дано одно —
двадцатый наш крылатый век.
Пусть спят спокойно все, кто любит,
все, кто влюблен и кто любим.
Спокойной ночи, современник!
Будь славен именем своим!
Спокойной ночи, человек!

ГАЗЕЛИ

* * *

Лишь во имя человека человеком я умру.

Зло на век наложит вето —

вместе с веком я умру.

Звезды падают на землю, в этом нет ничьей вины.

Но когда погаснет солнце, с его светом я умру.

Пусть сто тысяч Кей-Кавусов потеряют власть свою,
но Рустам с седла сорвется —

тотчас следом я умру.

Если человек смеется, весел я, как на пиру,

но за каждую морщинку на лице твоём умру.

Если вижу я влюбленных, то и сам влюбляюсь вновь,
но когда любовь убита, струны жизни оборву.

Как Уитмен, я страдаю за скорбящих на Земле:

кто б ни умирал на свете, вместе с ними я умру.

Не остынь в саду надежды, лист последний,

на ветру.

Как Хатынь, во имя завтра своей Родины умру.

* * *

Каждый миг от жизни слышу

новый для себя наказ.

Древо жизни обновляет

листья каждый день и час.

Наше бытие земное

с изначала — новизна.

Замолчит певец великий,
но другой подхватит саз.
Лишь в прославленных героях
силу черпает народ.
Мать таджикская рождает
сына нового для нас.
Не один оставил гений
в языке таджиков след.
Песня новых поколений
пусть летит за старой вслед.
В мире, где земля и небо
отвергают всех богов,
в слове явится пусть новый
глас бессмертия — поэт.

* * *

Я скитаюсь по улицам бытия,
с рассвета до заката всегда в дороге я.
И все, что открываю, и все, что добываю,
под ноги рассыпаю тебе я, жизнь моя.

Несу я ношу, посланную мне судьбой,
улыбки не скрывая, печали не тая.
Я — солнце, но на землю обращен мой взгляд:
земная радость жизни дороже мне стократ.

Я — небеса, но только земные небеса,
в грядущий день планеты мечты мои летят.

И взору открывается ликующая даль
той жизни, за которую и жизнь отдать не жаль!

В сердце — буря, но спокойно
   улыбаемся судьбе.
Мы бедны, нас чья-то зависть
   превращает в богачей.
В сердце — листопад, сияем
   ярче солнечных лучей.
Обвиняют в равнодушье,
   в холодности нас порой,
но насквозь пробиты души
   наши не одной стрелой.
Средь глухих слышем глухими,
   как слепцами среди слепцов.
Средь невежд в невеждах ходим,
   в мудрецах среди мудрецов.
Кем бы нас ни нарекали,
   ношу мира мы несем.
И себя мы видим сами
   чистым звонким родником.

* * *

Все дары и тревоги мира —
это женщины суть.
И любые дороги мира —
это женщины путь.
Для мужчин и былинка — обуза,
им пора бы понять:
нет на свете такого груза,
чтобы женщине не поднять.
Если благами мирозданья
наслаждался ты много дней,
знай, что это было свиданье,
встреча с женщиной. . . Только с ней!
Ярче дни и короче ночи
и твой век на земле продлен,

потому что женские очи
светят нам, позабыв про сон.
Высотой ее величья
встали вечные небеса.
Щек ее переняв обличье,
вновь цветок зарей налил.
Но не каждый, ее полюбивший,
быть любимым достоин сам.
Устремившийся к ней, уступивший
всемогущим ее глазам,
убежавший вдруг, небо вспенив,
все познавший: моря и сушь,
вечный странник,
ты — женский пленник,
где б ты ни был, великий муж!

* * *

Я своей любви ни одной до сих пор не забыл:
когда я любил, я был человеком,

я был.

Пусть образ бездушный меня красотой слепил,
когда я любил, я был ее сердцем,

я был.

Я столько дорог по зову любви исходил,
когда я любил, я был неустанным,

я был.

Я светом руки полночь кос не раз озарил...
Когда я любил, достойным любви этой был.

Пусть в каменном сердце я ветвь молодую губил,
когда я любил, снова веткой цветущею был.

* * *

Вновь по ночам до рассвета
душа моя болит,
печалью друга задета,
душа моя болит.
Видно, не распрямятся пружине моей судьбы...
Остро чувствуя это,
душа моя болит.
Если больной встречает
последний миг бытия,
свечой над его постелью пылает
душа моя.
Если цветок роняет любимая из волос,
жалости жалом жалит
меня сожаленья змея.
Увижу — звезда упала с высоких своих небес,
как след погасшего света,
пылает душа моя.
Представлю — мне не вернуться
в молодости края,
душа моя полыхает,
сгорает душа моя.

* * *

Жизни коварство — это и мое вероломство.
Судьбы несовершенство — мое несовершенство.
Если б достиг я цели, сузилось бы пространство...
Желанней само предчувствие будущего блаженства.
Если земля и небо отделены друг от друга,
Значит, есть между ними связующая дорога.
Мне и на миг ненавистна с моими друзьями разлука:
так слогу не жить без буквы,
так слову не жить без слога.

Покуда не оступился, не знал, что такое правда,
из-за моих ошибок полны мои строки света.
Жизнь за каждую строчку, такая избрана плата,
принесено мной в жертву жизни и времени это.

* * *

Праздный нимб, что вокруг
твоей головы кружится,
он твой враг, но, как друг,
не жалея хвалы, кружится.
Если сердцем ты чист, то в тени тебе оставаться...
От луны, скрытой тучами,
черная тень ложится.
Чтобы солнце впитать, кудрявый ягненок,
отделенный от шкуры,
в крови своей должен омыться.
Человек, как и солнечная колесница,
хоть стремится вперед,
но назад все равно возвратится.
Даже если наш вздох пронзит безмолвие неба,
столько стонов и слов
в этом мире успело забыться.
Все равно пусть мельница жизни кружится
ради тех, кто придет,
кто завтра родится.

* * *

Новый мир отыщу, назову его — дил¹.
Отрекусь от дорог, что уже исходил.
Только тот, кто познал все недуги Земли,
сам себя в этой жизни опередил.

---

¹ Дил — душа (тадж.).

Устремляюсь я в космос, чтоб мой звездолет
и пространство и время людей победил.
Жизнь ритмичных веков не имеет конца,
потому что взрываются наши сердца.
Ну, а если напрасно умирают они?
Не дай бог нам дожидаться такого гонца!

Да настанет тот день, чтобы славу светил
преумножило смертное
вечное — дил!

* * *

Обитель твоих очей —
спасенье моих ночей.
Без тебя, как ничей,
я бы умер.

Страдать научила ты.
Не только от красоты —
не будь на земле беды,
я бы умер.

В латы одела ты,
дала ты мне щит мечты
и меч правоты...
Иначе б я умер.

Сковала ты цепью кос,
пронзила душу насквозь,
а то бы я, где пришлось,
в оковах бы
умер.

Высоты твоей любви
меня к небесам вели,
без них, словно раб в пыли,
я бы умер.

Двустышье твоих бровей —
основа книги моей.
Дивана¹ не будь, поверь,
девоной² бы умер.

* * *

Сто морей я переплыл —
до сих пор на берегу.
Ста садов плоды собрал...
Для кого их берегу?
Сто узлов распутать смог,
пережил ста бед разор,
лишь узла наших сердец
не распутал до сих пор.
Сто болезней пережил,
сто преодолел смертей,
только в жизни до сих пор
беззащитнее детей.
Мудрость прошлого впитал,
сто поэтов прочитал,
я стремился к совершенству —
недоступен пьедестал.
Я плутал по той дороге,
где иных миров простор.
До небес достал, а ноги
топчут землю до сих пор.

---

¹ Д и в а н — сборник классических стихов.

² Д е в о н а — безумец (*тадж.*).

* * *

Те, что страдают от жажды,
  воды, как спасения, ждут.
Увидев Варзоб¹ однажды,
  на берег его идут.
Одни наслаждений ищут, другие покоя приют,
и вместе и те и эти
  на берег реки идут.
Одни за прошлым вдогонку, все утратив, спешат,
другие во имя грядущего,
  веря в него, идут.
Кто-то, помня о ночи,
  которой не повторить,
кто-то, чтоб луноликую,
  ликуя в ночи, покорить.
Кое-кто выбрал берег,
  чтоб просто выспаться тут...
Но есть такие — в объятия
  бессонной любви идут.
Одни считают по капле
  радость своих минут,
другие сабле Варзоба
  сердце отдать идут.

* * *

Искра взгляда моего
  останется,
истина от дел моих
  останется,
гордая земля ушедших предков,

¹ В а р з о б — река в Таджикистане.

как предел моей мечты,
останется.
Мой удел пусть правнуку
достанется,
пусть наш день в грядущее протянется,
о недуги и заслуги мира
пусть открытым сердцем он
поранится.
Многие в безвестности состарятся,
след любви и честности
останется.
Я хочу в стихах родиться заново
на устах народа благодарного.

* * *

Дух человека страждет
от вечных сомнений.
Плоть человека жаждет
одних наслаждений.
В заботе старик нуждается
больше младенца,
плачет он так, что надрывается
сердце.
Что это значит? Луна, как игрушка,
ребенку:
жизнь, не иначе, свою начинает работу.
И начиняет мудростью чью-нибудь старость,
ну, а другому дается лишь жалкая поросль —
тень бороды, вот и все, что под старость
осталось...
Два аксакала к финалу прошествуют порознь.
Тот, кто живет в своем маленьком мире,
как пленный,
считает и ссору с соседом великим восстаньем.

Лишь сердце поэта открыто всем вихрям Вселенной,
раненый вечно,
он жертвенным светел страданьем.

* * *

Чуть капли дождя вешний сад окропят,
тебя вспоминаю.
Цветы вдруг подарят мне свой аромат,
тебя вспоминаю.
Не знаю, была ли горда ты в любви...
На зло всем несчастьям, что в сердце летят,
тебя вспоминаю.
Когда меня строки к листу пригвоздят,
тебя вспоминаю,
когда я своею мечтою крылат,
тебя вспоминаю.
Ты так мне нужна, потому что нежна...
Опять повторяю стихи невпопад,
тебя вспоминаю.
Когда говорят мне про рай и про ад,
тебя вспоминаю.
Листаю все наши свиданья подряд,
тебя вспоминаю.
Твой взгляд, он и пылок и холоден был...
Забуть о тебе, наконец, был бы рад,
но все вспоминаю.

* * *

Мир насквозь пройду, но тебя найду.
Попаду в беду, но тебя найду.
Окажусь в аду, но тебя найду.
Взгляд тоской слепа, я найду тебя.

Муки все терпя, я найду тебя.
Время торопя, я найду тебя.
Жизнь разлук полна, я тебя найду.
В юности вина я тебя найду,
и в ночах без сна я тебя найду.
Средь чужих земель я найду тебя.
Напишу газель и найду тебя.
Это моя цель: я найду тебя.

Самый лучший враг,
я тебя найду.
О, да будет так: я тебя найду!

* * *

Меня искала ты, но не нашла.
Пришла на рынок ты — ни с чем ушла.
Об утонувшем весть рыбак принес,
не обронила ты ни капли слез.
К степным тюльпанам не спешила ты,
любила лишь бумажные цветы.
Наедине с собою и в толпе
хранила верность ты самой себе.
В судьбу грядущий день ты не звала,
мое сегодня в завтра не взяла.
Что одинок я, в том твоя вина...

За это ты останешься одна.

* * *

Приди, о новая любовь,
меня омолоди,
пусть сердце бешеное вновь
неиствует в груди.

Настань, свидания пора,
стань новою весной,
врачующей меня порань
своею новизной.
О новая строка, приди,
чтоб я воскреснуть мог,
освободи, освободи
из плена прежних строк!
Из тлена прошлой красоты,
грядущая, родись,
спустишь праявтра с высоты,
чтоб времена слились.
Приди, о разума венец,
явись, давно молю,
и небом сделай наконец
земную жизнь мою.
Приди, предел моей мечты —
мед уст, отрава слов.
Со мной что хочешь делай ты,
я ко всему готов!

* * *

Твоя красота все ярче,
а жизнь моя гаснет, гаснет...
Твой стан с каждым днем стройнее,
а я от этого горблюсь...
Тебе я стихи слагаю —
не для тебя мой праздник,
ты лжешь, и опять я плачу,
забыв про мужскую гордость.
Хочу, чтоб с тобой мы стали
душой и телом едины,
но взгляды твои от гнева
любой не уступят стали.

Был молод я, ты одела
до срока меня в седины,
был счастлив я, но велела
ты мне пребывать в печали.
Все время я добивался
встречи с тобой упрямо,
но только твоя прохлада —
немыслимая преграда.
Любовью своею Ева
сделала богом Адама,
твоя нелюбовь превратила
жизнь в подобие ада.

* * *

Пока в этой жизни тебя для меня
не было,
в сердце моем такого огня
не было.
Утро старело, потом умирал вечер...
Но подобного этому дня
у меня не было.
Сердце мое тобою разорвано надвое.
Двоясь постоянно, жить половинчато
надо ли?
Я признаюсь: в сердце вовек боли ноющей
не было.
Радость и грусть... Такого со мной еще
не было.
Я не смирюсь с приговором жестокого времени:
страсти такой разрушающей — строящей! —
не было.

* * *

Однажды чудо сотворю,
оно — любви основа,
и, возвращаясь к букварю,
с тобой начну все снова.
С тобой все заново начну,
с простого алфавита.
Вновь дверь я настежь распахну,
ту, что давно закрыта.
Я все с азов начать хочу,
с Адамового быта.
Я свое сердце излечу,
оно тобой разбито.
Я горе бы давно забыл,
твоя любовь — помеха.
Я точно помню: голос был,
теперь осталось эхо.
Но стану я творцом чудес,
певец, на все готовый:
верну тебе простор небес
своей любовью новой.

* * *

Приди, без тебя не звучать стихам.
Опять шепчу: «Мехохам!»¹
Приди... Одинок в ночи гнезду
влюбленного сердца — жду.
Остановилось сердце в груди,
сердце поэта... Приди!
В моем осыпающемся саду
тебя, как молодость, жду.

---

¹ Мехохам — желаю (тадж.).

На плечи мне рухнул весь небосвод,
спасет меня твой приход.
В остановившиеся дни
с ладони времен шагни.

* * *

Я состарюсь, но пусть будет
жизнь всегда юна,
пусть сияют в нашем небе
предков имена,
подаривших крылья духа и полет мечты.
Для чудес, людьми творимых,
нам Земля дана.
Миру я твержу: «Пусть будет!» —
древнее «бошад»¹.
Мой «бошад» всем честным людям,
что добро вершат.
Пусть спешат к бескрайним нивам быстрые ручьи,
пусть лишь золотые зерна
в колосе лежат.
Пусть река уста раскроет,
песнею вскипев.
Песня та проста... «Пусть будет!» —
вот ее припев.
Пусть никто не вечен в мире, об одном молю:
этот мир пусть будет вечным,
все преодолев!

---

¹ Бошад — пусть будет (тадж.).

* * *

Не скрывайся от взгляда,
будь на виду,
и тогда, если надо,
я беду отведу.
От себя ведь не скрыться,
не обессудь.
Загляни в наши лица,
вожаком нашим будь.
Но — забыл о народе,
и — призыв наш забудь,
в безъязыкой природе
камнем вечно пребудь.
Грудь пронзи ради блага
народа и будь
ярким факелом флага,
озаряющим путь.
На потери не сетуй,
в этом мужества суть.
Чтоб владеть миром, жертвой
мира этого будь.
Как отцом ты гордишься,
так мы верим и ждем,
что еще ты годишься
быть — и будешь! — вождем.

* * *

«Я боюсь» — «метарсам»¹.
Этот глагол я придумал не сам.
Не с капризной судьбою на свете
борюсь,
а последней соломинки в жизни боюсь.

---

¹ М е т а р с а м — боюсь, пугаюсь (тадж.).

Перед временем чист и за дело любое
но нечистых душой — «метарсам»! — я боюсь.
Разбираюсь в политике,
берусь,
над грамматикой быюсь,
краснобаев не жалую, солдафонов боюсь.
Если был вчера грешен, уже не грешу,
в том, в чем был я поспешен,
теперь не спешу.
Если раньше вино мне клялось: «Метарсам!» —
чтоб лилось оно нынче,
опасаюсь я сам.

* * *

На глаз твоих лучистый поток
лечу я, как мотылек.
Меня, бездомного, в дом любви
когда-нибудь позвзи.
От взглядов твоих все сходят с ума,
ты знаешь это сама.
И я, земной, становлюсь крылат
от заклинанья: «Чашмат!»¹
Читаю с восторгом в который раз
легенду любимых глаз.
Дай, одинокому, мне пасть ниц
у частокола ресниц.
Разграблена жизнь моя... Кто же вор?
Твой темный,
твой томный взор.

---

¹ Ч а ш м а т — твои глаза (тадж.).

* * *

Помню тебя, как путник
  помнит свой дом вдали.
Люблю я тебя, как берег —
  затонувшие корабли.
Жажду тебя, как будто
  я высохшая земля...
Ищу тебя, как лекарство
  от смерти искал Бу-Али.
Жду я тебя, как счастья все в этом мире ждут,
как крестьянин ждет всходов
  от политой потом
  земли.
Мечтаю о нашей встрече,
  как о молодости старик,
а род людской бесконечен,
  а род человеческий столык.
Я горя испил немало из чаши жизни своей,
чтоб только тебя увидеть,
  хотя бы на краткий миг.
Мое унесла ты сердце, а я не знаю — куда.
Найду тебя, значит, сразу
  два сердца найду
  тогда.

* * *

О, если б в этом мире
  сбывались все мечты!
Как Адам и Ева, был бы я, была бы ты.
От всех забот свободны, в раю своей души,
как Адам и Ева, собирали бы цветы.
Под яркими лучами из-под ресниц дождя
на этом белом свете был бы я, была бы ты.

Лицом к лицу друг с другом,
наивны и чисты,
не кто-то рядом с кем-то, а только я
и только ты.
Пусть хоть одно мгновенье дарует нам судьба
без боли, без страданий,
без разлуки, без беды.

Мелкий дождь

Не спрашивая, породили нас,
Уделом жизни наградили нас.
И чтобы мы нашли свою дорогу,
Оставили на перепутье нас.

О, листопад, осенний листопад,
Промчалась юность — не вернешь назад.
Зачем, своей не зная жизни цену,
Никчемных ищем почестей, наград?

Теперь — о нас печали всей Земли,
Теперь заботы наши возросли.
Легко ушли ушедшие без груза,
Теперь он наш, раз те не унесли.

Когда устанут путники в пути,
Не говори, что слабым не дойти.
Пускай свою утратили надежду,
Чужая может к цели привести.

Порой стеною огненной вставал,
Порой пред пустяками трепетал.
Рожденный в муках матерью однажды,
Я сам себя бессчетно создавал.

Нам неделимый мир в наследство дали,
Нам глубь пространства для полета дали.

Мы родились, и всей Земли просторы,
Как пояндоз¹, пред нами расстилали.

В людских сердцах — залог грядущих дней,
Земля сильна, куда мы на ней.
Друг друга поколения сменяли,
Чтобы еще была она сильней.

Легко дается слава — толку нет!
Раз тиснул что-то, значит, стал поэт?
Поэт работает как земледелец, —
Ложится за полночь, встает чуть свет.

Дехканина трудам — да не пропасть!
Стихам в груди поэта — не пропасть!
Да не оставит мир наш многоликий
Неутоленной любящего страсть!

К чему душа, раз некого любить?
Что головой без мыслей дорожить?
Пусть радость чередуется с печалью,
Ведь без забот тоскливо в мире жить.

Предай меня огню, о мой цветок,
Страдать меня заставь, о мой цветок.
Я не хочу быть столь несовершенным,
Сожги и вновь создай меня, цветок.

Луна над изголовьем светит мне,
Лежу без сна в полночной тишине.
В разлуке пребывают наши губы,
Ручей целует камешки на дне.

---

¹ П о я н д о з — дорогие ткани, ковры или одежды, которые расстилают, когда вносят в дом новорожденного. Таким же образом встречают новобрачных или дорогих гостей.

Ушла весна и не вернется вновь,
И не вернется прошлая любовь.
И жаль мне неисполненных желаний,
Подранок скрылся, высыхает кровь.

В любых горах ты золото найдешь,
В любых морях ты жемчуга найдешь.
И новую любовь найти ты сможешь,
Но лишь былой любви ты не найдешь.

Глаза твои могли спалить дотла,
И дружный вздох ты вызывать могла.
Была ты юной, но спешила юность —
Она в тебе прохожею была.

Надежда строит в сердце мне дворец,
Любви волненья — чудо двух сердец.
Пускай мудрец любовь сочтет ошибкой,
По силам ли она тебе, мудрец?

Мечта с тобою быть — мираж в пустыне,
Сокрыт завесой лик моей богини.
На письма ты мои не отвечаешь,
И безответна жизнь моя отныне.

Живу я в этом мире два-три дня,
И боль, и радость в памяти храня.
Считаю, прибавляя год за годом,
Но жизнь-то убывает у меня.

Светильник старый зажигают снова,
Заплатки ставят — ни к чему обнова.
Всю жизнь горит упрямый сын Адама,
А смерть пришла — его сжигают снова.

Земля и небо далеки, о роза,
У счастья нашего взор слеп, о роза.

И если наши судьбы не сойдутся,
Виновен будет целый мир, о роза.

Коль есть душа — есть на любовь надежда,
Есть голова — на старших есть надежда.
С днем нынешним легко мы расстаемся —
На день грядущий в сердце есть надежда.

Когда ты пьян, гордишься ты безбожно:
Мол, попираю твердь — она ничтожна!
Земля вздохнет, и рушатся вершины —
Землетрясение, люди, осторожно!

Душа твоя еще не бунтовала,
И вихрем страсти тело не терзало.
Я рос на камне. Ты — цветок в кувшине,
И ливнями тебя не поливало.

То чашу осушив, то пиалу,
Ты думаешь, что неподвластен злу.
Я знал волков, что уцелеть сумели,
Но и они ушли навек во мглу.

Могилы роют. Рядом ищут клад.
Ведут подкоп из заточенья в сад.
Влюбленный раскрывает недра сердца,
И снова яма, чтоб уйти назад.

О та, кто знает лучше всех меня,
Ты правишь мной, быть может, два-три дня.
Я от любви твоей дотла сгораю,
И даже пепел жжет сильней огня.

Любовь питает созреванье душ,
Смотри, любовной клятвы не нарушь.
Душа в одном лишь случае бесплодна —
Когда царит великая в ней сушь.

Звезда упала с неба — не найдешь,
И молодость промчалась — не найдешь,
Склони главу любимой на колени,
А то и головы ты не найдешь.

Болезненно тоскую я в разлуке,
Ни края, ни конца не видно муке.
Ты обронила где-то мое сердце,
Которое тебе я отдал в руки.

В разлуке сердце юноши сгорело,
Поэта сердце над строкой сгорело.
Сердца людей сжигает пламя, но
Мое — затем, что нет огня, сгорело.

Моя рука твоей и не коснулась,
И ты ни разу мне не улыбнулась.
Жизнь между нами: я — закат печальный,
А ты — заря, которая проснулась.

Оставлю имя — тотчас пропадает,
Ищу плоды — лишь зелень попадает.
Лишь десять дней дано нам в этом мире,
Чуть дверь откроешь — крыша упадет.

В ночь твоей свадьбы в трауре я был,
От боли и тоски едва не выл.
Как дерево Меджнуна¹ ветви клонит,
Так голову и я к земле клонил.

Гордец нуждается в лечении строгом,
Порой есть чванство в медяке убогом.

---

¹ Дерево Меджнуна — ива. Меджнун — герой сказания «Лейли и Меджнун». Истории их трагической любви посвящен целый ряд поэм, в том числе и классиков персидско-таджикской поэзии.

В аллаха потому иной не верит,
Что самому бы стать хотелось богом.

Хвала тому, кто малость преумножит
И кто печаль сменить другою может.
Почет людей тому, кто через сердце
В миры иные путь другим проложит.

И дней прошло немало, и ночей,
И сколько песен спел уже ручей.
Хмельной, не оценил твоих достоинств,
И нет тебя, и я уже ничей.

Приди, чтоб локоны твои увидел,
Приди, чтоб брови я твои увидел.
Покуда жив я, приходи, цветок мой,
Чтоб, в лик земли взглянув, тебя увидел.

Любить тебя — затем я и живу,
Люблю тебя во сне и наяву.
Вмещаешь ты и радости и боли —
«О, мое сердце!» — так тебя зову.

Никто из нас не вечен в этом мире,
Умов великих все же он пошире.
Для нас он существует, но при этом
Нас без него не существует в мире.

Нерадостен Природы нынче лик,
Листвой играет ветер-озорник.
И дерево осеннее тоскует,
Как без устода ¹ грустный ученик.

Меня любовью бурной не пугай,
И знайдем своим тоже не пугай.

---

¹ У с т о д — учитель (тадж.).

Я умирал уже в трудах любовных,
Меня грядущей смертью не пугай.

Понять тебя — как узел развязать,
Мой свет очей и сердца благодать!
Любовь ведь наказание для мудрых,
И даже им ее не избежать.

Ищу тебя в саду и цветнике,
Ищу тебя в реке и роднике.
Найду тебя, Любовь, и вновь теряю,
И вновь иду искать тебя в тоске.

Нет, от любви укрыться невозможно,
С тобою счастлив я, но мне тревожно.
В движении бровей твоих я вижу:
«Любовь опасна, милый, осторожно!»

О сердце, сердце, все б тебе бродить,
Теряя то, что ты должно любить.
Никто качать не станет колыбели,
Когда теперь я буду слезы лить.

Любить нет дара — что же рвешься в бой?
Несчастлива будет каждая с тобой.
Ты словно ищешь стражника к воротам,
Которых не дано тебе судьбой.

Не чаша полной быть должна — душа,
Ум в голове, в кармане — ни гроша.
Зачем богатство ищешь в этом доме,
Здесь бродят сказки, перьями шурша.

Взял за руку ее однажды ночью,
В темнице дверь сломал однажды ночью.
Чтоб не смотрела на других, два глаза
Поцеловал я ей однажды ночью.

Лишь сам себя лечу я от недуга,
К себе суровой я любого друга.
И не с врагами мне сражаться трудно,
С самим собой приходится мне туго.

Еще искать нас будут после смерти,
Найдут ошибки наши после смерти.
Зато цветы, не собранные нами,
Взойдут из праха после нашей смерти.

И без любви грудь колет то и дело,
И без болезни одряхлеет тело.
Грядет и для бесплодных веток осень,
Без запаха цветов увянет белый.

Рейхан¹ к прическе приколола ты,
Но встретимся ли в мире пестроты?
Когда увянут прежние букеты,
С моей могилы собери цветы.

Жизнь обманула — вместо назиданья.
Ее обманы — сахар мирозданья².
Земля внизу, до неба не достанешь,
Не скажешь ей: до нового свиданья!

Взгляд черных глаз твоих — я счастлив снова,
Мне хватит сил для бремени такого.
О чем жалеть! У тех, кто сожалеет,
Душа бесплодней пастбища сухого.

Любой тебя счастливой сделать рад,
К ногам твоим все падают подряд.

---

¹ Рейхан — один из сортов базилика с сильным приятным запахом.

² Игра слов: к а н д — сахар, ф а н д — обман, в старой графике написание этих слов отличалось одной точкой.

Пила нектар на свадебном ты пире,
А дальше в жизни подавали яд.

Борьба и злоба в мире есть пока,
Раздор и жертвы в мире есть пока.
Давно все шахи свергнуты, однако
И нищета, и бедность есть пока.

Вот чаша, потому она полна,
Что жизнь и бестолкова, и умна.
Лишь песня смерти знает завершенье,
А песня жизни не завершена.

Любовь — для тех, кто не страшится боли,
Ступай, коли боишься тяжелой доли!
«Влюбленный отдает любимой душу»¹,
Раз хочет та держать ее в неволе.

Не памятник оставим, а грехи,
Ошибки будут помнить, не стихи.
Но наше увядание — не осень,
Грядущего питает родники.

И, ошибаясь, ты прекрасно, сердце,
Все скрытое в тебе — открыто, сердце.
Творишь добро и зло одновременно,
И жизнь в тебе, и смерть в тебе, о сердце!

Конь неоседлан твой, Судьба, увы!
Покоя нет для буйной головы.
О, если б на весах удел свой взвесить,
Нет коромысла у весов, увы!

Когда умру, не плачьте обо мне.
Забудусь мирно я в могильном сне.

---

¹ Цитата из Хафиза.

Не саженец, а стройное созданье
Пусть постоит, вздыхая в тишине.

О сердце, сердце, что творишь со мной,
Мой кров, мой путь, путеводитель мой!
Меня своей замучило ты страстью,
Жестокий враг мой и убийца мой!

Танцуй и прогони свою печаль,
Нам жаром сердца можно плавить сталь.
Дай чашу мне, пока душа навеки
В туманную не улетела даль.

Зачем невежа с видом мудреца
Глаза туманит пылью и сердца?
Он, исцарапав Землю, размечтался
Добраться и до лунного лица.

Мы были продолженьем, но ушли,
Мы были вестью жизни, но ушли.
Считали, что свободны мы от рабства,
Рабами жизни все-таки ушли.

Шлет небо беды нам за веком век,
Из слез и крови было много рек.
Представь, что слеп наш мир, его за руку
Ведет сквозь время зрячий человек.

Поэт всегда на муки обречен,
Ученье — тем, кто хочет быть учен.
Но лишь коснется их самодовольство,
И мир грядущий будет омрачен.

Мы были юны, но прошло то время,
Мы пронесли своей эпохи бремя.
Когда-то старикам на смену шли мы,
Кому теперь свое оставим стремя?

Кто горечь пил, а кто-то пил вино,
Забыв вкус млека матери давно.
За горы скоро сядет солнце жизни,
Луну уже увидеть не дано.

Что о предательстве друзей сказать?
Что мне о хитростях любви сказать?
В любви порой и женщина отважна,
Что мне о том, кто духом слаб, сказать?

В довольстве этот. Тот в нужде живет.
Пресыщен этот. Тот чего-то ждет.
Но вот равны и спуски, и подъемы —
По кругу чаша полная идет.

Опять в ловушку жадный угодил,
Опять транжира деньги просадил.
У нас нет нищих. Нищие же духом
Полны желаний, глупости и сил.

И что вас, люди, так пленяет форма?
И что вас, люди, так пленяет норма?
В бетон одели реку по линейке,
Забыв, что та река высокогорна.

Ты говоришь, весна от нас ушла,
Пора цветенья, говоришь, ушла?
Друг друга мы ни разу не коснулись,
А молодость от нас уже ушла?

Ты, мама, силою моей была¹,
Цветком весенним для меня была.
Стихов моих родник не иссякает,
Ведь ты его источником была.

---

¹ Игра слов: по-таджикски «мама» — «модар», «сила» — «мадор».

Погасла счастья моего звезда,
Водоворотом увлекла беда.
Свершив добро, его я бросил в реку,
Но не воздаст за это мне вода ¹.

Не стоит мелочь попусту хранить,
Не стоит стражником для подлых быть.
Не склады, магазины и амбары —
Людей великих надо сохранить.

Эй, друг, поднимем доброту в ценс,
Покуда мало лет тебе и мне!
Ведь молодость — не семена растений,
Чтоб каждый раз их сеять по весне.

Ругают нас с трибуны день-деньской:
Стихи плохи и сам поэт плохой!
Эх, лучше б эти речи заменили
Единственной, но собственной строкой!

Когда-то русло было у меня,
Речных два берега было у меня.
Но утекло меж ними мое сердце...
Когда-то сердце было у меня.

Плененному спасение найди,
И ожиданием не изводи.
Приди на берег, поцелую, чтобы
Не высохла река в моей груди.

Нет краснобаев, мы заику ищем,
Топор утерян, мы иголку ищем.
Развеяли по ветру урожай свой
И зернышко единственное ищем.

---

¹ «Сделай добро и брось его в реку, господь воздаст тебе за это в пустыне» (таджикская поговорка).

Когда тебя у счастья раздобуду,
Твоим лицом я любоваться буду.
«Хотя б на вздох оставили нас вместе!» —
Так землю с небом умолять я буду.

Пускай сокровищ мира не имеем,
Пускай припасов мира не имеем.
Что юности все выгоды торговли!
Безумство сердца — вот что мы имеем.

Обидны бесконечные укоры,
Печальны нескончаемые споры.
Обняв кувшин за шею, буду плакать,
И не найдут меня злодеев взоры.

Сдавило сердце, как двумя камнями,
Воюет сердце постоянно с нами.
С кулак оно, но если взбунтовалось,
То тесен мир с морями и горами!

Талантливо не всякое дитя,
Не всяк достигнет цели, уходя.
И пуля часто мчится мимо цели,
И стих порой не трогает тебя.

Пришла пора печали, мой цветок,
Мы осень повстречали, мой цветок.
Как лист осенний расстается с веткой,
Так я с тобой расстался, мой цветок.

Свети всегда мне, юная луна,
На небесах моих свети одна!
Где вся любовь моей короткой жизни —
К власам твоим привязана она!

Труды поэта — разве только радость?
Наш хлеб таит в себе не только сладость.

Ты пьян от денег, я же пьян от розы,
Что нравится тебе, то мне не в радость.

Отчаянье на сердце, словно мгла,
Друг предал, и невеселы дела.
И день, и ночь — мелодии печали,
Черно вокруг, но голова бела. . .

Мыслитель жил и сам себя творил,
Другой, забыв себя, людей любил.
Тому воздвигли памятник высокий,
Второй при жизни памятником был.

Усталым жизнь покинет он, бедняга,
И грешным жизнь покинет он, бедняга.
Не «канд», а «фанд» получит он в итоге,
Как жаль, что так уходит он, бедняга!

Не создавай, всевышний, нам преграды,
Не трогай нас — мы будем только рады!
Друг друга любим мы и, кроме встречи,
Иной себе не требуем награды!

Река румяна утром, как ребенок,
И, как стихи, ручей струится, звонок.
О предстоящей встрече с теплым солнцем
Бормочут листья юные спросонок.

Цветок, растущий тихо на вершине,
Что делать тебе, алому, в долине!
Вниз не ходи, чтоб алчные торговцы
Тебя не продавали на равнине.

Не возгордись, свершив немало дел,
Самодовольство — глупого удел.
Не радуйся, когда без меры хвалят,
Яд похвалы не хуже яда стрел.

В моей душе любимой не осталось,
И пламени там тоже не осталось.
Любовь в моей душе отпыхала,
Что, кроме пепла, в ней теперь осталось!

Прекрасен мир, и лучший есть едва ли,
Но сколько отсюда исчезали.
Звезду искали, умерли без свечки,
Искали бога, а себя теряли¹.

На старый тополь осенью взгляни:
Он, как старик, влачит тоскливо дни.
С кряхтением вспоминают ствол и корни:
О, дни счастливых весен — где они?!

Земля должна под небом оставаться,
И жизнь должна для счастья продолжаться.
Пусть юность продолжается недолго,
Дух вечно юным должен оставаться.

Облейся кровью, сердце, — нет со мною
Той, кто моих страданий был виною.
Не осенью, не в пору листопада —
Весна моей любви ушла весною...

Тебя, о чаша, осушу до дна,
Чтоб забурлила кровь во мне, хмельна.
Тебя наполнит снова виночерпий,
Но будешь ты уже не мне дана.

Я не хочу в пустыне умереть,
Где никого — лишь пустота и смерть.
Была всегда душа моя как море,
И я хочу у моря умереть.

---

¹ Игра слов: по-таджикски «бог» — «худо», «себя» — «худо».

Великий муж познанием ведем,
Душа полна, но пуст и скромн дом,
А если причиняет слава муки,
То утешает дух он свой трудом.

Весна взывает: эй, любить пора!
Ведь вверх ведет и вниз ведет гора.
Когда, как не сейчас, любить красавиц,
О, молодости майская пора!

Твоей любви — и суши с морем мало,
Ста судных дней для страсти твоей мало.
Газелям, что написаны в разлуке,
И ста томов огромных будет мало.

Дворцы возводят время к небесам,
Могилы роет время там и сям.
Задумаешь от глаз его сокрыться,
И вдруг слепым окажешься ты сам.

Нет сердца, что не плакало в разлуке,
Нет головы, не знавшей мыслей муки.
Пусть ты удачлив, но не раз, я знаю,
В чужую дверь твои стучали руки.

Коль у тебя своей заботы нет,
Коль у тебя своей любви нет,
Мелькнет, как миг, короткое сегодня,
А завтрашнего дня не будет, нет.

Из стали мудреца не сотворят,
Из злата деву нам не сотворят.
Подобие луны и солнца — могут,
Но любящих людей не сотворят.

Увиденная мною в первый раз,
Обиженная мной в последний раз —

Где ты теперь? Букет цветов собрал я,
Но без тебя — колючка он для глаз.

Вся наша жизнь — надежда на любовь,
Вселенная по сути есть любовь.
Ты думаешь, что видишь в небе солнце,
А это освещает нас любовь.

Меня ночным кошмаром не страши,
Меня дневной заботой не страши.
Рожденного морской жестокой бурей
Зазря волной стоячей не страши.

Довольно сладкой дремы, моя роза,
Как соловей поет, послушай, роза.
Пришла весна, все почки распустились,
Пришла пора цветенья, моя роза.

Тот, у кого печалей в сердце нет,
Грядущего не различает свет.
Иметь он может все богатства мира,
Лишь места в жизни у такого нет.

Не спят честолюбивые невежды,
Коварство не дает им смежить вежды.
Гребут в мечтах чужими жар руками,
Лелеют невеселые надежды.

Ресницами ты можешь проколоть
Нежнейших щек застенчивую плоть.
Так дай взглянуть в глаза твои, о пери,
Нет, глаз таких не видел сам господь!

Вот верность! — рёк, а здесь измены пир.
Вот счастье! — рёк, а ты и наг, и сир.
Вот правда! — рёк, а это все сомненья...
Вот так и сотворили этот мир.

Мир — это гордости недолгий миг,
Теряешь все, что только что постиг.
Кто скажет твердо на исходе жизни,
Что он всего желанного достиг?

Пока живет, вмещает счастье грудь,
Мечта с надеждой — жизни нашей суть.
И зернышко простое на ладони
Пробьется колоском когда-нибудь.

Тебя как счастье сердца вспоминаю,
Тебя как жребий сердца вспоминаю.
Познав с тобой любовные молитвы,
Тебя как маъбад¹ сердца вспоминаю.

Кто — ради имени, кто — ради злата,
Кто — хитростью, кто — силою булата,
Делили жадно землю меж собою,
Но сами же уснули в ней когда-то.

В скитаньях умирают мудрецы,
Для всех — провидцы, для себя — слепцы.
Жизнь покидает раньше срока гений,
Но как живучи просто подлцы!

И твердь, и воды — все вмещает сердце,
Весну и осень — все вмещает сердце.
Я знаю все и ничего не знаю
О том, что ты вместило, мое сердце.

Мысль устремляю в горние чертоги:
Да не прервется путь на полдороге,
Да не исчезнет человек бесследно,
Когда ты будешь подводить итоги!

---

¹ Маъбад — место поклонения, капище (араб.).

Жалею о стихах неизреченных,
Занозах, из души не извлеченных.
Жалею не о том, что не свершилось,
Мгновений счастья жаль неоцененных!

Мы ценим тех, кто мастерством велик,
Кто словно в груди щепня сердолик.
Но скольких знали мы лицом красивых,
Кто, как щебенка, был в делах безлик!

Тебя я вспомнил ночью, и огнем
Дом вспыхнул, стало ярко словно днем.
Огонь твоих очей сжигает память,
Бушует пламя, я сгораю в нем!

Покуда сердце сотрясает грудь,
На небе существует Млечный Путь.
Но прекратит Галактика вращенье,
Когда на миг посмею я заснуть.

Средь ночи сердце замирает, боже,
Когда о ней я вспоминаю, боже,
А если обо мне она забыла,
Зачем мне и луна, и звезды, боже!

Как рыба, проплыву речные воды,
Как птица облечу небес я своды,
Джейраном обегу земную сушу,
Чтоб встретиться с тобою через годы.

Застолья дервишей богач бежит,
Беседы пьяниц трезвенник бежит.
А я бегу с любимой на свиданье,
Как из зиндана узник вдруг бежит.

Тебе беда, а мне беда вдвойне,
Тебе туда, куда ж деваться мне?

И как монарх в изгнание, словно дервиш,
Я остаюсь с собой наследие.

Ушла, исчезла юность без следа,
Не встретиться мне с нею никогда.
Мне говорят: ты потерял рассудок,
Пусть так, но от себя уйти куда?

Безумье лучше мудрости такой,
Враждебность лучше близости такой.
Чем жить в разлуке под одною крышей,
Честней уйти, махнув на все рукой.

Весна летит, подобная лавине,
И присно розам расцветать, и ныне.
Любовь моя, что на сердце скопилась,
Низвергнется опять, как дождь в пустыне.

Мне тешил сердце твой лукавый взор,
Мне тешил слух твой нежный разговор.
И странно: я безбожник, а поверил
В могущество любви с тех самых пор.

Всегда под небом стоны раздаются,
Всегда на жизнь обиды остаются.
И так порою проклинаят небо,
Что с головой от злости расстаются.

Приди, о роза, и спаси меня.
В любви моей благослови меня.
Ты в колыбель любви не заглянула,
Так у могилы помяни меня.

Зимой земля бела, о мой цветок,
И даже мгла светла, о мой цветок.
Но и зимой такого не отыщешь,
Кто б с белизной твоей поспорить мог!

Немало в этой жизни мы спешили,
Но мельтешили, брат мой, мельтешили.
Спеша прожили жизнь и у погоста
Задумались: а так ли жизнь прожили?

Любовь — свет очага в моем доме,
Что побеждает холода и тьму.
Любовь — огонь души неодолимый,
Не затушить огонь тот никому.

Коль можем пить вино, о свет души,
То чашу бед пригубить не спеши!
Нам жаль тех бедолаг, чьи дни и ночи
Похожи, словно медные гроши.

Любовь моя, как песня, не допета,
Угасшим счастьем сердце не согрето.
Теряем мы друг друга в этом мире,
А в том — мне быть наказанным за это.

Ты златом шьешь, но беден я, увы!
С ума свела б, да я без головы.
Ты хочешь сердце в плен — оно разбито,
Пей, говоришь, но чаши нет, увы!

Что верность, если навсегда разлука!
И богу не по силам эта мука.
Судьба, да сохрани нас от печали —
Зачем нам расставания наука!

Движением руки ума лишила,
Цветок дала, а цветника лишила.
«Душа моя!» — ко мне ты обратилась
И навсегда души меня лишила.

Печаль моя тобой благоухает,
По волосам твоим душа вздыхает.

И так река на волны их похожа,
Что взор над нею бабочкой порхает.

С влюбленными будь ласкова, о роза!
Сердца влюбленных отнимай, о роза!
И, кладбище минуя легким шагом,
Ты юности хвалу воздай, о роза!

Пусть мертвый тополь подпирает склеп.
Красы твоей не видит тот, кто слеп.
А тот, кто видит и не удивится,
Тот жалок среди живущих и нелеп.

Светла любовь, и наша жизнь прекрасна,
Все, что свершилось, было не напрасно.
Пусть тьма волос твоих благоуханных
Мне верность обещает ежечасно.

Где наша осень — для других весна,
Кто горечь пьет, кто счастье пьет до дна.
И раненная нами в небе птица
Стать для других добычею должна.

Пускай наш край и вздыблен и горист,
Но на его вершинах снег лучист.
Пускай в краю родном у нас нет моря,
Зато народ глубок душой и чист.

Поэт — не ученик и не учитель,
Перо — его надежда и мучитель.
Эпохе он себя приносит в жертву,
Не скряга он, а сердца расточитель.

Смерть может в полночь посетить меня,
Смерть может в полдень посетить меня.
Пусть беспробудна ночь и ярок полдень,
Умру — и мир погибнет без меня.

Что значит боль сердечная, он знает,
Что значит кровь мозолей, тоже знает.
Но лишь тогда становится поэтом,
Когда, как струны лопаются, знает.

Покоя ты не ведаешь, душа,
Все с пользой жить стараешься, душа.
Я не прошел еще и полдороги,
А ты уже весь путь прошла, спеша!

Страсть поиска порой меня пьянит,
Кувшин с вином порой меня манит.
Печаль души порой глядится в чашу,
Но не ее — меня молва винит.

Сольются два ручья — река возникнет,
Сольются две души — и мир возникнет.
Прошедший день сольется с настоящим,
И день грядущий из глубин возникнет.

Кто раньше, кто позднее — но все в пути,
Кто полон сил, а кто устал идти.
Но не дойти нам до конца дороги,
Хоть сотни тысяч лет по ней идти.

Ты мне и суть, и естество дала,
Ты светом утра моего была.
Считалась ты неграмотною, мама,
А первым мне учителем была.

Настанет день, и страсть перекипит,
И дождь в пути уже не окропит.
Растил сады. Теперь одна былинка
У холмика могильного стоит.

Сломается железо или сталь,
Невелика о том моя печаль.
Кому-то сердце разобьют изменой,
Обманутого мне до боли жаль.

Я смертен, но не знает смерти страсть,
Что для любви могилы черной пасть!
Когда умру, приди на берег моря —
И здесь бессильна злобой смерти власть.

«Недолго же гостить мне на Земле,
Недолго же кружиться мне в тепле!» —
Цветам шептала бабочка весной,
Пока Земля вершила путь во мгле.

Пришла весна, рассыпав лепестки.
В ручьи глядятся нежные ростки.
Любовь вернулась перелетной птицей
И вьет гнездо, не ведая тоски.

Подснежник — о весне благая весть,
Но в участи его и слезы есть:
Ведь только вслед за тем весна приходит,
Когда уже погиб он в ее честь.

Одна любовь мне дарит сто миров,
Один фиал мне дарит сто даров.
Пускай сегодня я устал и грешен,
Безгрешен буду завтра и здоров.

То хвалят, то ругают так и сяк,
Не разобрав, что важно, что пустяк.
Уж лучше эти мненья-кривотолки
Пусть при себе придерживает всяк.

Кто счастья ищет, счастья не найдет,
Кто ищет время, позже всех придет.
Мы пригоршнями жадно пили воду,
Не зная, что река всегда течет.

Живущий должен наслаждаясь жить,
Живущий должен плакать и любить.
Ведь каждый день — частица нашей жизни,
Ни у кого их нам не одолжить.

Тебя не вижу — боль стучит в висок
И свод небесный больше не высок.
И прах, тобою обращенный в золото,
В сыпучий превращается песок.

В душе моей опять цветок цветет,
И радость, и беда — а он цветет.
Цветет себе, упрямец придорожный,
Его затопчут, он опять цветет.

Я тот прохожий, кто во тьму ушел,
Я путник тот, кто навсегда ушел.
Мир сердца твоего зачем покинул,
Зачем, постигнуть не сумев, ушел!

Я был рожден для битвы в бранном поле,
А не гулять среди цветов в неволе.
И ветру вы мой прах не доверяйте,
Довольно горсти, чтоб засеять поле.

Луны затменье — памяти затменье,
Разбитый путь — души преодоление.
А неудачный стих перо выводит —
В судьбе своей бессонное сомнение.

От наших слез посевы не взойдут,
И по стихам не все свой путь найдут.
Вода в ручье нужней, чем наша слава¹ —
Ей все поклоны с радостью кладут.

Друзья мои, налейте-ка вина,
Для этого и чаша нам дана.
Задира я, не знающий пределов,
Так в чем же ваша здесь, друзья, вина?

Не знаю, где любовь, а где игра,
Нет, канула доверия пора!
Клянется: «Без тебя не жить мне, милый!» —
И снова исчезает до утра.

Листок весенний — молодости цвет,
Листок осенний — увяданья цвет.
Зачем казнишь за то, в чем невиновен?
Пусть жизнь моя несет за то ответ!

Цветы друг другу дарят запах, цвет.
Луна от солнца получает свет.
Порой и мастер внемлет подмастерью,
Чтоб получить негаданный совет.

Кто дышит, тот не может жить иначе.
Раз ты поэт — не всё тебе удачи!
Покуда я за истину сражался,
Льстец возомнил, что он живет богаче.

Найдешь цветок, забудешь про цветник.
Глотнешь воды, забудешь про родник.
Наткнешься на свечу, неблагодарный,
И про луну забудешь в тот же миг!

---

¹ Игра слов: по-таджикски «слава», «авторитет» дословно звучит как «вода лица».

Содвинув лихо шапки набекрень,
Они вино глотают целый день.
Им что вода, что суша — все едино,
Где деньги платят, там для них и тень.

Не хочешь, чтоб народ на нас глядел,
Порою отрываешь нас от дел.
Пускай ты слеп, но почему другие
Должны делить с тобою твой удел?

Со мной недолго ласковой была,
Черны, любимая, твои дела!
Ты надо мною разразилась ливнем
И тучей торопливой уплыла.

Словам твоим, известно, грош цена,
И злоба твоя людям не страшна.
Не раз грозил ты кулаками небу,
Но разве изменила ход луна?

Свечою стать — талантом невелик.
А мотыльком — сгоришь в единый миг.
Такой, не получивши поцелуя,
Царапает от злобы нежный лик.

О, сколько рядом с нами дураков,
Кто зол, завистлив, груб и бестолков!
Коль реку перейти им не по силам,
Не пожалеют для воды плевков.

Из праха можно делать зеркала,
В лекарствах яд не причиняет зла.
Адам произошел от обезьяны,
А как в дальнейшем сложатся дела?

Осенний ветер холодом дохнул,
Последнюю листву с дерев смахнул,

Скигальцами по закоулкам жизни
Играючи небрежно зашвырнул.

Любой с себя ведет обычно счет,
Во всем себя всегда берет в расчет.
Согласен разум, сердце не согласно,
Что и без нас жизнь дальше потечет.

На кладбище покой и тишина,
Земля и среди лета холодна.
Я плакал над твоим надгробным камнем,
Жизнь, какова теперь тебе цена?

То ближе я, то дальше от тебя,
То трезв, а то пьянею от тебя.
Не все, что вижу, радует мне сердце,
То вижу, то не вижу я тебя.

Я верю: неожиданностей нет,
На все вопросы есть всегда ответ.
Еще в пеленках, в тесной колыбели,
Я плакал оттого, что тесен свет.

Косички дай твои пересчитать,
Дай родинки твои пересчитать.
Неужто сердцу твоему из камня
Надгробием моим придется стать?

Зима пришла, снега всю ночь летели
И землю в платье белое одели.
А водоемы, словно старики,
Очки под утро хрупкие надели.

Уйдет поэт, и памятник поставят,
Сочтут стихи, по полочкам расставят.

Но прочитать те неживые строки
Читателей, наверно, не заставят.

Гордится новь обличьями своими,
Но суть стара — меняется лишь имя.
По форме неизменна только крышка,
Прибитая гвоздями гробовыми.

Нет, равнодушным не был я рожден,
Смиренным тоже не был я рожден.
Готовых не люблю предначертаний —
Свободным я на белый свет рожден.

В чем упрекаешь ты меня, глупец?
Я — пешеход, ты — верховой гонец.
Но, с места не сходя, заветной цели
Достигнет раньше нас с тобой мудрец.

Беда тем городам, где мудрых нет,
Беда тем странам, где ученых нет.
Но лишь тогда беда непоправима,
Когда людей там добрых больше нет.

Мы для людей взрастили семена.
Трудились мы без отдыха и сна.
Пусть наша речь не блещет совершенством,
Из уст людей записана она.

Чаша Хайяма

* * *

Хайям, твое сердце в мое поглядело,
Слово твое песней скорби взлетело.
Твой стих — это в сердце открытая дверь,
Он ясен, как жизнь, завершившая дело.

* * *

Хайям, твое слово неповторимо.
Полна твоя чаша, неопорожняема.
Трезв выпивший. Пьян не испивший ее.
В ней все, что душе нашей необходимо.

* * *

Хайям, твоя чаша во все времена
На пиршествах мудрых до края полна.
Но место пустует, хоть годы благие идут.
Где руки, которых по праву достойна она?

* * *

Сумрак утра, как в тюрьме, сер, суров и скуп.
Слезы изможденных глаз сквозь улыбку губ.
Что ушедший потерял, мы, придя, нашли
И в находке дорогой силу обрели.

* * *

Мы — звено между началом и концом,
Птахи века с непроявленным лицом,

Кто сказал, Хайям, что мы безродный сброд,
Если чувствуем тебя своим отцом?

* * *

Земля, мы слезами тебя поливали,
Страданья твои кровью сердца смывали,
Чтоб новые скорби, как тучи, не плыли,
Мы камень твой, как пьедестал, поднимали.

* * *

Увы, если жизнь лишь охота — не боле,
Свободная от огорченья и боли,
Грешно нам дорогами жизни шагать,
Считая шаги от неволи до воли.

* * *

Подобно орлу в синем небе умри,
Но в землю сойдешь на восходе зари.
Ликующим помыслом огненных глаз
Сверкни, словно молния, мир озари.

* * *

Кто в жизни своей молодым не бывал,
Кого юный взор красотой не пленял,
Кому безразличен страдания пыл,
Тот лучше б из мрака на свет не вставал.

* * *

Заплачут дожди — ты тоже заплачь.
Буря завоет — рыданий не прячь.
Звезда пролетит. Вспомни, друг мой, звезду,
В ней смех мой и плач, что горюч и горяч.

* * *

Река бежит, а берег неподвижен.
Река бурлит, а берег и не слышен.
Река иссохнет — берег будет жить,
Губами влагу милую ловить.

* * *

Напильником жизни истерзано сердце мое,
Мятежное сердце, отточенное лезвие.
В осеннем саду ты желаешь цвести
Весенней порой, нерасцветшее сердце мое.

* * *

Пригубите вина, помяните усталую душу мою.
Пусть место мое не пустует в родимом краю.
А кубок мой, тот, что я как-то
разбил,
Мне вместо плиты положите в родимом краю.

* * *

Друзья, сойдите у бокала — чудо зелье!
Поминки обо мне — достойное похмелье.
Не я один, кого по осени хоронят.
Весной меня отройте для веселья.

* * *

Чтоб имя прославить, желанья умерь,
Живи человечно: жизнь людям доверь.
Однажды в дни жатвы мне жнец говорил:
«Глава твоя — колос пшеничный, поверь».

* * *

Счастливец, кто служить умеет другу:
Где друг ни встань — цветник ему в услугу,
Кого утрами поднимает из постели
Звон бубенца и плач дитяти в колыбели.

* * *

Кичишься Рудаки, Хафизом, Ширази,
А лучше собственным прозреньем поразил,
Яви нам нового великого Хайяма.
Свободным словом все нападки отрази.

* * *

Не всяк глазастый видит мир насквозь.
Не всякий всадник непременно вождь.
Не всяк хромой — Тимур, зажавший мир в тиски.
Не всяк слепец всевидящ, словно Рудаки.

* * *

Как ни стареет — молод человек.
Он на плечах несет эпоху, век.
На землю опирается. А небо на него.
Земля и небо — это суть его.

* * *

Земля, словно мать одинокая, стонет,
Скорбит по усопшим, надежды хоуронит.
Есть люди — дурные следы оставляют —
Земля под ногами негодных рыдает.

* * *

Жизнь — горький напиток, и много испито.
Пока чаша сердца моя не разбита
Рукою любимой — на сердце покой,
Но мучает жажда, как прежде, сердито.

* * *

Чтоб в этом мире место найти,
Пришлось мне в себе себя обрести.
В жаркой груди страстью пенилась кровь.
Сердце свое обменял на любовь.

* * *

Кто стал соперничать с луной, оборотились светлячками.
Но лишь луна явила лик в просвете между облаками,
Они, издав последний крик, преобразились в невидимок,
Как будто снежный человек растаял в небе над волнами.

* * *

Кто сердца не привлек — разбить его не может.
Так, дурно пахнувший цветок никто рукой не потревожит.
Кто не был путником — тому отстать не удастся.
Кто не искал пути — в пути с дороги не собьется.

* * *

Кто с рожденья до старости верен и чист,
У того каждый звук, словно пламя, лучист.
Не заблудших в пути укорю, а того,
Кто не узрит средь белого дня ничего.

* * *

Налей вина, чтоб все запели песню,
И, захмелев, познали поднебесье.
Не чаша ты, что, опустев до дна,
Средь пира жизни сызнова полна.

* * *

Очистились мы от корней до вершин.
С огнем революции огонь наш един.
В себе мы сначала рабов победили,
Чтоб рабства не знать с малых лет до седин.

* * *

Те губы, что дивные очи твои целовали,
Лобзаньями лунный твой лик покрывали,
Ничьих больше губ целовать в целом свете
не будут,
Пусть прах будет прахом, но память свежа,
как вначале.

* * *

Идет человек — позолоченный посох, не боле,
Снаружи сверкает, внутри пустота и безволие.
Мгновенно блеснут и погаснут глаза, обманув, —
Останется дым и сознание потери и боли.

* * *

Стремнина жизни по земле меня пронесит,
То круто повернет, то в перепады бросит,
А то скупцом-занмодавцем схватит,
Как должника за шею. Долг назад запросит.

* * *

Будь сопричастен празднеству и горю.
Смирять печаль отрадою во взоре.
От битв и наказаний не беги,
В боях за правду правде не солги.

* * *

Одержимые алчною страстью не спят.
Светлячки при луне никогда не горят.
Так колодец копать возле бурной реки —
Бесполезное дело — не зря говорят.

* * *

Счастлив тот, кто умножает славой славу,
Кто одаривает сердцем в праздники державу,
Словно сумка почтальона утром он пустеет,
И носить лишь радость людям он имеет право.

* * *

Мир усталый озари радостью цветенья.
Счастье новое твори в старом окруженье.
Нет на картах моего милого селенья,
Вы узнаете его в звуках песнопенья.

* * *

К самому небу мечты устремились,
Слезы из глаз, кровь из сердца струились.
Разве Гагарин бы в космос взлетел,
Если бы крылья Икара разбились?!

* * *

Благословен, кто открывал замки сердец.
Кто заглянул во глубь очей, тот молодец.
Кто грудь любимой не увидел хоть на миг,
Тот от рождения и старец, и мертвец.

* * *

Поблекли мы, как постаревшая бумага,
Иссохли ради человеческого блага,
Крутились мы, как жернова, чтоб сыты были
люди,
И словно хлеб мы съедены — и наша в том отвага.

* * *

Где пир любви, пусть моя книга нарасхват,
На стройный стан наденьте верный мой халат,
И знайте — правда лишь была моим столпом.
Опорный столб — мое перо, ты слышишь, брат?

* * *

Когда любовь едва рождается в тебе,
Без крыльев ты летишь наперерез судьбе.
Сумей вернуться с непогасшим светом глаз.
Не деньги молодость. Не сложишь про запас.

* * *

Смерть — скоморох. Это горько и странно.
Косит она одинаково и постоянно,
Сердцем живые легко обращаются в прах —
Мертвые сердцем живут неустанно.

* * *

Жизнь к услугам. Я сегодня жизнь встречаю.
За хорошее, плохое — отвечаю.
Чаша жизни. Пир судьбы. Круговорот.
Наша чаша — это череп, замечаю.

* * *

Мне нужна другая жизнь, душа другая,
Чтоб душа к тебе остыла, дорогая.
Если небо за подол смогу я взять,
Значит, твой подол я ухватил, играя.

* * *

Жизнь проходящая только себе и защитница —
Наших пороков, страданий и радостей житница.
С неба — один, а другой падает с крыши
пологой —
Каждый уходит из мира своею дорогой.

* * *

Я молчалив, как подобает человеку,
Я берег, я смиряю бешеную реку.
Она мне дарит жгучий холод поцелуя,
Но жаждой я томлюсь — и одиноко, тоскую.

* * *

Мы рано пришли или поздно явились,
На пиршестве жизни наелись, напились.
Мы так с молоком материнским созрели,
Что звезды на небе ловить научились.

* * *

Покуда мы живы, живем, как умеем.
Мы смерти назло веселиться посмеем.
Покуда мы с круга еще не свернули,
Мы круг совершили и круг повернули.

* * *

Я был молодец в молодецкую пору:
Над бездной взлетая, стремился к простору,
И под ноги милой я сердце бросал.
Высокое имя воздвигнул, как гору.

* * *

Если боль тебя охватит — пусть вселенская она.
Если же поток захватит — пусть всемирная волна.
В пересохшем водоеме чёрпать веслами песок?
В океанском урагане лучше выпить боль до дна.

* * *

В груди моей огромная могила.
Тетрадь моя слова беды раскрыла,
О тех отважных, что каналы рыли,
Ни капли из каналов не испили.

* * *

Мир, как нескладный груз, мешком нагружен
На спины тех, кто миром перетружен.
Легко из черепов построить минареты,
Но минарет ума пока что не заслужен.

* * *

Когда к материнской могиле несю я цветы,
Седины считаю, как осенью листья — сады.
Когда же ладонью касается солнце меня,
Не мать ли ладонью касается: — Сын, это ты?

* * *

Ты всегда шагал дорогой, что другие протоптали,
Воду пил ты из арыка, что другие прорывали.
Ты, увы, поэт бесплодный. Во «Плодоносящем
саде»¹
Не сорвешь ни лепесточка у великого Саади.

* * *

Тень безумья мои охватила черты.
Кровью залиты глаз огневые сады.
Ах, звезда моя, ты в небесах не навек,
Упадешь — на земле обозначишься ты.

* * *

Дорогу в небо на земных дорогах ищем.
Ширь высоты хотим найти во прахе нищем.
Нас притяженье дразнит дальними мирами.
На карте космоса мы — лики в лунном днище,

* * *

Могилей всем сразу земле не бывать.
Губы с губами нельзя разлучать.
Тепла нет в огне беспощадной войны,
Но как он умеет глаза ослеплять!

---

¹ «Плодоносящий сад» — произведение Саади.

* * *

Ты ушла, а я тоскую. Я горю в тоске.
Я страдаю так, как будто жизнь на волоске.
Петь хочу — обезголосел. Одинок рубоб.
Кто теперь его разбудит, чтоб звенел в руке?

* * *

Если дерзнет человек человека убить,
Ненависть градом сумеет такого побить.
А за убитых во чреве, скажите, кого
обвинять?
Кто отвечает? Кому головы не сносить?

* * *

Говорят, что человеку на земле тесно.
Это выдумал невежда, глупо и давно.
Мир просторен, если дружба светит и царит.
Узко во враждебном мире и всегда темно.

* * *

Жизнь равна чему? Достоинство и сила.
Цену делу доброта определила.
Пусть надгробье над тобою выше всех —
Вровень росту под землей твоя могила.

* * *

Как река, себе дорогу пробиваю,
Ноги путников дорогой устилаю,
Как земля, прощаю людям все грехи
И, как степь, в ладони сердце простираю.

* * *

Гора, как памятник, на пьедестале вечном.
Кряж горный — монументом бесконечным
Стоит. На камне надпись, словно на плите.
Вершина — взлетная площадка в мире Млечном.

* * *

Ночь пришла, день пришел — жизнь промчалась,
Вроде рядом была — вдали оказалась.
Как влюбленный, за ней я гонялся долго.
Гордой девой она мимо шла, смеялась.

* * *

Не стал я рекой для полива сада,
Не стал кирпичом для дворца иль града,
Чтоб помнили все, как я пьян стихами,
Стал строчкой стиха для хмельного взгляда.

* * *

Упадет в пути слепой — встанет, в путь опять.
Зрячий упадет в пути — не сумеет встать.
Путник, не жалея душой жертвовать в пути,
Все, что ты в душе припас, не забудь отдать.

* * *

Если солнце над этой землею не вечно,
Разве стоит о смерти стенать бесконечно?
Мы сегодня живые — подарим сердца
Юной девушке нежной, желанной, беспечной.

* * *

Семь небес ты нам дарила, колыбель земли.
От равнин твоих просторных люди в космос шли.
Улетали смело в дали голубых планет,
Что не знали, что теряли — все в тебе нашли.

* * *

Я камнем положен в фундамент дворца бытия.
Ребенок, обласканный миром бушующим, — я.
На плечи мои бремя грозных историй легло.
Я — сын человечества. Все мы — семья.

* * *

От поцелуя пусть губы твои горят.
Пожары печали пусть сердце твое палят.
Жизнь — пламя. Тот стонет, чье сердце горит, —
И тот, чьи бумажные деньги в огне шелестят.

* * *

Станьте факелами ночью в полной темноте,
Чтобы в мире посветлело всюду и везде!
Даже солнцу не под силу озарить весь мир.
Станьте факелами, люди, в счастье и беде!

* * *

Шаги считая с бурным веком в ногу,
Старайся сердцем уместить дорогу.
Запомни — наше счастье не вода речная,
Чтоб всякий раз носить в кувшине понемногу.

* * *

Сторожем спящего мира я до утра хожу.
К сказке подсяду, в ладони лицо положу.
В жажде восхода без устали буду стоять,
Словно подсолнух, солнцу лицо покажу.

* * *

Всем уходящим в дорогу: — Добрый путь!
В ночь уходящим: — Утра надежд не забудь!
Желаю, чтоб люди были зеленым восходам
Между землей и солнцем жили не как-нибудь. подобны,

* * *

Везде друзья, но родина одна.
Везде земля. Таджикистан — моя страна.
Здесь каждый камень — изваяние чудес,
Здесь, словно мать, травинка каждая верна.

* * *

Речка, речка, губы милой — берега,
Ожиданием томятся. О, река!
Но утекшую волну не воротить,
Только память остается и тоска.

* * *

Жизнь моя прошла в печали у порога твоего,
Птицей в крыше прошуршала, не осталось ничего.
Скажут, что Лоик из жизни навсегда ушел. Не
Из твоей ушел я жизни. Стоит плакать от того? верь,

* * *

О, ночь весенняя, рискованная ночь.
Над головою звездопад — не превозмочь.
Чтоб лику розы ни вреда не причинить.
Пусть дождик розовый прольется в эту нить.

* * *

Воздух Варзоба искрист и ясен,
Каждой травинкой — чист и прекрасен.
Пусть сердце любовным напитком ухнется,
В нем глаз твоих отблеск, он жгуч и опасен.

* * *

Невесте красят ногти и ладони хной:
Обычай предков, отдающий стариной.
Она поражена. Улыбка сквозь печаль.
Что ждет ее? Как странно — быть женой.

* * *

День, как гость, ушел навеки без оглядки,
Не раскрыв свои ни тайны, ни загадки,
В вечность дверь не приоткрыв. Вот солнце село.
Изошел огонь дымами в беспорядке.

* * *

Горы, как люди, смелы и достойны,
Мир охраняют, смиряют набеги и войны,
Словно у плахи стоят, не клоня головы,
Полны волненья, а внешне — спокойны.

* * *

О, друг, нас боли сильные сковали.
Что повстречаемся, мы ведали едва ли.
Где сострадание? Где содружество сердец?
Мы жили рядом, но друг друга мы не знали.

* * *

Что ни травинка — пушок над влюбленной
губою.
Что ни бутон — то любимой уста пред тобою.
Утро, как сердце, полно ликования и света.
Солнце — лицо долгожданное и дорогое.

* * *

О, родник, ты течешь из сердца земли.
Жажду жаждущих влагой своей утоли.
Ты на слезы мои, как ни странно, похож,
Иль из сердца мужского ты вытек? Внемли.

* * *

Я мира венец. Но царский венец — не мне.
Сердце как море. Но нет простора волне.
Ищу родника, иль бегущую реку ищу.
Я — берег. Сбегайся, вода, ко мне.

* * *

Счастливец, кто с милой, как будто с волной
волна,
Кого поцелуй любимой будит от крепкого сна.
Пусть локон ее станет вскоре на горле петель,
Счастливец, он виснет на локоне, рядом она.

* * *

Как люди друг от друга ни отличны,
Как их обычаи и нравы ни различны,
Хмелеют все они от винограда,
И хлеб у них все тот же, хлеб пшеничный.

* * *

Я — пристанище для путников далеких,
Поводырь для всех ослепших, одиноких,
Каждого, кто умер, хороню
В сердце и в песках земли глубоких.

* * *

Река, река, ах, торопливая река.
Как сердце, полная, тревожная река.
Как несговорчивый возлюбленный, бежишь
Из дома собственного, быстрая река.

* * *

О, Восток. Ты — начало пера и письма.
Ты — ворота для солнца. Ты — свет для ума.
О, Эльбрус! Ты — надгробие Фирдоуси
Иль трибуна высоких певцов Аджам¹.

* * *

За каждый камень твой, гора, мы жизни
положили.
Шальные головы свои здесь в жертву приносили.

---

¹ А д ж а м — мир, в котором люди говорят на фарси.

Восток, наследная земля, твоей во имя силы
Мы жизни смелые свои без страха заложили.

* * *

Пока история моя пути свои искала,
Рубила саженцы — в кострах безжалостно сжигала.
В дыму, в чаду слепящих дней тридцать седьмого
года
Она творения Айни сама в костры бросала.

* * *

Река, река! Как ты на нас похожа.
Зачем от матери бежишь, неверностью тревожа?
Ужель забыла ты о том, что рождена криницей,
Что горный кряж тебе отец, ужель забыла тоже?

* * *

Как к цели желанной скорее дойти
И спутников бремя души донести?
Каким колдовством уравнию печаль
И долгую жизнь на коротком пути?

* * *

Каждое утро я снова являюсь на свет.
Снова влюбляюсь и снова мечтою согрет.
Каждую ночь умираю иль падаю в сон,
Чтобы рассвету открыть пробужденья секрет.

* * *

Сердце спешит, этот мир — мой скакун.
Не ошибается сердце-вещун.
То, что посеял, боюсь, пропадет на ветрах.
Ветер играет напевами струн.

* * *

Сегодня снова выхожу один в дорогу.
Курс жизни просто начинаю — от порога.
На много лет вперед. Во время — без меня.
Ворота утра дарят мне свою тревогу.

* * *

Он, гляди, достиг великого успеха,
Твое имя заслонило его эхо.
Чем сильнее и выше солнце в ясный день,
Тем короче, тем короче наша тень.

* * *

На земле, где выросли поэты,
Где на нивах самых пышных слов расцветы,
Я стихом желанного достигну,
Ведь стихи — желанного приметы.

* * *

Не попрекай за бег волну ручья,
Слепца влюбленного за веру в сс товья.
Твоя свеча сильнее сотен солнц горит.
Твоя любимая всех лучше — ведь твоя.

* * *

Не тоскуй — весна взовьется,
К розе соловей вернется,
Прошлого возникнет память,
Если милая прижмется.

* * *

Небо лежит на ладони, гляди.
Море бурлит в океанской груди.
Нет, не насытился жизнью своей,
Весь белый свет у меня впереди.

* * *

Хоть я властелин и судьбе, и уму,
В могилу с собой ничего не возьму.
Хоть всюду воды быстротечной полно,
Я муками жажды приветствую тьму.

* * *

Все стены мира из сердец людских,
Земля тучна от серых прахов их.
Где ныне тропка к кладбищу ведет —
К жилью вели тропинки в днях былых.

* * *

Арена жизни — не площадка для игры.
Довольных много, только до поры.
Фирдоуси бессмертен и велик,
Но «Шахнаме» не нравилась ему.

* * *

Знаю, миру моя слава не нужна.
След шагов с дорог не может смыть она.
Черенок я отстругаю от пера,
Чтобы ветка на могиле проросла.

* * *

Коли смерть мне суждена в конце концов,
Пусть останусь я в словах моих стихов,
Если в жизни я не дóсыта живу —
Мной насытится она в конце концов.

* * *

Много дней миновало — вот и жизнь прошла.
Вечера пробежали. Вера в друга ушла.
Я твердил, что останусь навсегда молодым,
Не успел оглянуться, как весна утекла.

* * *

На короткое мгновенье буду в мире молодым.
Хоть строкой бессмертной песни закружусь, как
в небе дым.
Если молодость уходит — мир не старится вокруг.
На короткое мгновенье буду в жизни молодым!

* * *

Гореть всю жизнь — моим девизом было.
В поэтов стан судьба меня водила.
Что я обрел — навеки потерял.
Чего я не обрел — со мною, как и было.

* * *

Безумное сердце, как ты одержимо,
Стучишься мне в грудь рукою любимой.
Иль жизни моей часы отмеряешь?
Зачем ты в покое не оставляешь?

* * *

Вот жизни уже половина прошла.
Пора моей юности гордой ушла.
Есть позднее утро и близкий закат,
И солнца надежда за гору зашла.

* * *

Недоля моя от доли твоей.
Если не видывал светлых я дней,
То оттого, что тебя не видал.
Будешь стоять над могилой моей.

* * *

Ты, речка гор моих, бегущая — о, роза.
С горы в долину от меня бежишь — о, роза.
Смотри, вокруг меня сегодня половодье.
Разок мелькни, ко мне прильни, побудь со
мной — о, роза.

* * *

Поэту высокому крылья нужны.
Поэзии войску таланты нужны.
Стиху пустословье от века не нужно.
Безумству любви откровенья нужны.

* * *

Мир царского слова высок и далек.
Мой дар ненасытен, как нищий мешок.
Когда пары бейтов не сдюжит рука,
Разломанной веткою будет рука.

* * *

Дорога, что к цели желанной зовет,
В дымах и огнях неустанно идет,
Любовь к исполненью желаний приводит —
Иль к смертным носилкам меня приведет?

* * *

О, стройные горы, стан милого края,
Вы молоды сердцем, как мать седая.
Уйду, но навеки останетесь вы.
Как будете жить без меня здесь — не знаю.

* * *

Порой увяданья мы цену весне познаем,
А цену друзьям после смерти друзей узнаем,
А цену обид, что любимым друзьям наносили,
В словах недостойного друга всегда узнаем.

* * *

Тебя вспоминаю — становится осень зеленой.
И крыша, и двери гнезда расцветают влюбленно.
Лишь вспомню твой стан — удивительный юный
росток,
Душа расцветает, как будто весенний цветок.

* * *

Пусть в муках проводишь ты ночи и дни,
Грудь вздохи сжигают, как будто огни,
Средь всех уходящих и будущих ты
Счастливцев, воспевший земные труды.

* * *

Проходит степью караван и на себе несет
Убытки, прибыль, зло, добро — тяжелый груз
забот,
Хоть все проходит на земле, беднягой будет тот,
Бесследно кто с родной земли в ее пески
уйдет.

* * *

В горниле сердце не закалено,
Неполнотой вселенскою полно;
Раскаяний и огорчений столько,
Что, кажется, измучилось оно.

* * *

Дорога под уклон. Она ведет куда?
К желаниям моим, что сбудутся? Когда?
Однажды я уйду, поняв, что не достиг
Желаний дорогих, единственных своих.

* * *

Приди сейчас, покуда здесь моя весна,
Покуда хмелем голова еще полна,
Покуда помню озаренный солнцем лик,
Покуда солнце надо мной — прийти должна.

* * *

Бесплоден сад, не напоенный влагой.
Углем не станут несгоревшие дрова,
Мертворожденные, унылые слова,
Стихи без искры — не пронзят сердец отвагой.

* * *

Заблудившийся вожак, оставаясь вожаком,
Все советы отметет и не вспомнит ни о ком.
А подсолнух, как созрел, вмиг о солнце
Даже голову свою от него отворотил. позабыл,

* * *

Беспутье заблудшего — путь мудреца.
Что зрячий нашел — потеря слепца.
Вглядишься получше — у каждой эпохи
В сравненье с другими есть имя отца.

* * *

Всю жизнь я мечусь меж огнем и водой,
От пиршества красок сегодня седой,
Что мнил обрести — не обрел ничего.
Я, солнцу подобный, иду за луной.

* * *

Когда уйду, порадуй вольный дух:
Заплачь погромче, имя молви вслух,
А если чаша упадет из рук,
Припомни, так и твой разбился друг.

* * *

О боль, о мука, скоро ли умру?
Напрасны все усилия в жару,
Целебно средство — уходить со славой,
Я этим средством смерти нос утру.

* * *

Тебе построят хризолитовый дворец,
Превознесут, как Мухаммеда, наконец.
Но оба мы умрем и по соседству ляжем,
А там, в могиле, всем один венец.

* * *

Из мира прихода-ухода уходим один за
другим,
Так выпьем, покуда в застолье сидим.
Уходим от радости, чаще всего от печали,
Пурпурным вином мы волнение свое усыпим.

* * *

Доколь богатства будешь древние искать
И звезды новые на небе высекать?
Я ль не звезда? Меня не хочешь разглядеть?
Когда уйду, ты можешь сильно пожалеть.

* * *

Вас вроде в глупости не упрекнешь,
Но в честности моей хотите видеть ложь.
Рука клеветника для блага коротка.
Язык клеветника как будто длинный нож.

* * *

Если хоть завтра внезапно умру я,
Все устремленья в себе унесу я,
Слезы потоком пролью о себе,
Чем дорожил — во слезах утоплю я.

* * *

Не Авиценна ты — но пред тобой его дорога,
И не Меджунун — но у тебя своя Лейли.
Самим собою стань. Своей судьбе внемли.
Сиянья жизни от себя не отдали.

* * *

Тот черный колодец — тот месяц двурогий,
Тот станет дорогой — а тот без дороги.
Слепцам — одноглазый становится шахом,
Земля всем дарует и место, и сроки.

* * *

Кубок полон пока, значит он не разбит,
И надежда жива, если сердце стучит.
Если жаждой томимый не выпьет воды,
Значит, жажды сжигающей не утолит.

* * *

У каждого свое предназначенье,
Свой долг, свое призванье от рожденья,
Все будто рождены среди дороги, —
Ждут неожиданного приключенья.

* * *

Хлеб на скатерти твоей. На моей — душа.
Кровля над тобой крепка. Доля хороша.
Надо мною имя есть честное мое.
Время мчится, как скакун, тяжело дыша.

* * *

Я не выгодой сыт, не любовью пленен,
Мотылек моих чувств не к свече устремлен,
Мой единственный друг на земле — это я,
Вот такой у меня нерушимый закон.

* * *

Мать моя дала мне имя, и никто другой.
Труд помог достичь желаний, и никто другой.
Мне спокойствие покоя никогда не даст.
Беспокойство и тревога — вот он, мой покой.

* * *

Кто идет прямым путем, тот опасности встречает,
Кто полезным хочет быть, тот убыток получает,
Жизнь порою за добро воздаст неблагодарность
И склоненную главу топорами отсекает.

* * *

Если бы снова я стал молодым,
Тайно возник под окошком твоим,
Сердце твое средь ночей отыскал,
Око зари в глазах увидал.

* * *

Не гордись влюбленным этим, он стремится показать,
Как он любит, как не может без тебя существовать.
Он один цветок подносит, а отнимет сотни весен.
Он хмелен от глаз хмелящих, ты должна об этом знать.

* * *

В мире стихов и сказаний мудрейших рожден я,
Гордой главы минаретом рожден я.
И с непреклонным бесстрашием нрава
К почве прикованным кряжем рожден я.

* * *

Пусть будет мир обителью отважных,
Пусть будет стих пристанищем мятежных,
Пусть скатерть хлебом полнится повсюду,
Пусть боль разлук любовью управляет.

* * *

Самохвалы стали притчей во языцех,
И безумие взошло на жадных лицах.
За луну приняв фонарь, едва светящий,
Не возникли самохвалы на страницах.

* * *

Дают тебе испить воды, чтоб честь твою отнять.
Спокойной ночи говорят, хотя мешают спать.
Наставников порою — тьма. Все знают, как идти.
Когда в пучину заведут, как выйти, не понять.

* * *

Предположений люди страшатся.
И невидимок-врагов боятся,
«Гибким будь, — шепчут. — А делай свое,
Чтоб с жизнью случайно вдруг не расстаться».

* * *

Сердце мое мятежное жадно жаждет борьбы.
Талант мой — мучений дороги и трудной судьбы.
Желаний моих мотылек жаждет света луны.
Рука на земле ищет солнечный отблеск весны.

* * *

Кто слово продает, тому стихи эпохи
Нет времени слагать на выдохе и вдохе.
Собранья отразить, решения воспеть —
Все надобно успеть. А в спешке строки плохи.

* * *

Зряч к порокам всех других. Ничего в себе плохого.
Розы — это для тебя. А колючки — для другого.
От людей произойдя, человеком вряд ли станешь.
К человеческой душе свою душу не дотянешь.

* * *

Приди, о любимая. В доме тоски
Запомни меня, как строку Рудаки.
Я ныне последний согдиец. Но вот
Придешь и продлишь во вселенной мой род.

* * *

Мать добрая была — возьмите горсть с могилы.
И чист был мой отец — возьмите горсть земли.
Умру, посыпьте мне две горсточки земли,
Благословенье в них моей сыновней силы.

* * *

Кто дороги ясновидцев не нашел,
Лучше б в общество слепцов скорей пошел.
Материнский кто утратил свой язык,
На земле отцовской лучше б не возник.

* * *

Я словно старинная ветхая книга:
О малом я молча скажу, о великом.
Читающий — новую жизнь мне даст,
И зря меня помнит, кто строк не прочтет.

* * *

Друзья вы знаете меня, совсем меня не зная,
Всегда поверхностен ваш взгляд, немного
понимая,
Предположенья обо мне — серьезные ошибки.
Прохожий я. Иду, всех вас на свете принимая.

* * *

Все слухи о тебе улавливаю ухом,
И над судьбой твоей склоняюсь скорбным духом.
Причиной бед твоих я стал. Мне тяжело это бремя.
С ним на плечах окончу я свое земное время.

* * *

Наступает горький час — вселиться надо.
Наступает счастья час — радоваться надо.
Чтобы светлой жизнь была, вам совет дается:
Черный волос сединой высветлять придется.

* * *

Стань, о слеза, родником устремлений моих.
Стань, о перо, крепким посохом дряхлого дня.
Стань ты, о стон, окончаньем счастливых минут.
Стань ты, о стих, колокольцем у смерти моей.

* * *

Ты вышла из воды, и задрожало тело,
А капля на тебе жемчужиной блестела.
И я не мог понять: твой стан или мой сон,
Рассказанный воде, вода явить хотела.

* * *

Ах, какое было время, полное волненья.
Сердце очагом пылало — чистое горенье.
Поцелуй в твои шестнадцать — вот что было
важно,
Остальное может вовсе не иметь значенья.

* * *

Ах, к чему все эти стоны и упреки,
Виноваты не дороги и не ноги,
Наша жизнь — одно короткое мгновенье,
Так зачем же укорачивать ей сроки.

* * *

Мятежное сердце возжаждало славы.
Перо устремилось к высокому слову.
Но сколько я слово ни мерил собою,
Оно лишь играло моей головою.

* * *

Далеки мы друг от друга — значит далека дорога.
Мир вокруг в сплошном разладе — значит в нас
разлада много.
Коль сокровище сокрыто в глубине вершины горной,
Слепота твоя виною — не суди ты гору строго.

* * *

Мы не племя равнодушных и несмелых,
Мы не племя лоботрясов неумелых,
В свой черед с пером в руке, с отвагой в сердце
Мы пришли помочь отцам окончить дело.

* * *

Жизнь преходяща — была и не стало.
Не допусти, чтоб бесследно пропала.
Можешь быть шахом в поступке и вздохе.
Шахам завидовать не пристало.

* * *

Вселенная без нас несовершенна.
Мир ожиданий ждет нас откровенно.
А кто боится в жизни ошибиться,
На белый свет не должен был явиться.

* * *

Друзья, поплачьте над моей могилой
И над моей потерянною силой.
Над жизнью отлетевшей плакать рады?
Над памятью умершей плакать надо.

* * *

Стыдишь других, а сам торгуешь,
И выгоду прекрасно чуешь.
Такой мне в жизни не встречался,
Кто бы в бездарности признался.

* * *

Для счастья всей земли мы рождены,
Для исцеленья боли века рождены.
Мы прежде для страданий рождены,
Потом для наслаждений рождены.

* * *

Не многие дети земли — мудрецы,
Не многие дети земли — подлецы.
Подобных Фирдоуси является мало,
Подобных Махмуду — сколько попало.

* * *

Все сердца любви подвластны, а Меджнун
один.
Весь усеян мир камнями — золотник один.
Вод соленых в мире много,
А родник один.

* * *

К сердцу сердце, к слову слово — я стихи
слагаю.
Разве же для вечной жизни я стихи слагаю?
Вот крестьянин зерна сеет тоже не навеки.
Как крестьянин сею слово — и стихи слагаю.

* * *

У меня ошибок больше, чем разумных дел.
Зло нечаянно свершаю, а добра хотел.
Средь грехов добра не видно, а хотел добра.
Вслед добру летели песни, что я в жизни пел.

* * *

Я не был свободен в свободе своей
И благополучен в сиянии дней.
Несчастлив, что я в одиночестве шел.
Счастливец, что сам себя за руку вел.

* * *

Сердца моего река порождает жемчуга.
В сердце всех моих почей много утренних лучей.
Сердце каждое пронять слово каждое готово,
Это множество сердец — мое сердце наконец.

* * *

Чтоб лучше мир познать, найди из сердца выход.
Чтоб к людям ближе стать, прими отказ от выгод.
Слеза жемчужина. Но смех жемчужен тоже.
Бесчувственные, эй! Что есть беды дороже?

* * *

От честности умру иль от работы,
Солдат — защитник безымянной роты.
Без памятника лягу под землей,
И мирный мир — венец моей заботы.

* * *

Рукой друзей разбита сердца чаша.
Как трудно достается вера наша.
И как легко друзьям ее разбить.
И как нельзя об этом позабыть.

* * *

Расставшись с любимой, умру одиноко,
Кувшин разобьется о камень жестоко.
Жаждой палимый падет у реки.
Тоской одержимый умрет от тоски.

* * *

Мы порой герон в кабаках,
А порой герон на словах,
Выветрится хмель из головы,
Поглядишь — чужие все, увы.

* * *

Мама, мама, ты началом мне была,
Цену роста дорогую мне дала.
Чтобы жил и чтобы умер, родила.
Ты, выходит, и концом моим была.

* * *

Весенней порой или зимней порой мы умрем.
Порою осенней — порой увяданья умрем.
Влюбленные в жизнь, ради жизни над миром пройдем.
И, души друг другу отдав, опустев, мы умрем.

* * *

Из праха мы вышли и стали скромны.
Из камня мы вышли и стали сильны.
Стихом Аджамы мы прославились в мире людском,
Вино с ним распили, с высоким, седым стариком,

* * *

Которые от жизни легкий хлеб вкушали,
О жизни сожалея, умирали.
Надеясь под землей не обеднеть;
Добро свое укромно зарывали.

* * *

Мое сердце сна не знает, когда звезды мои спят,
Народившемуся слову я всегда душою рад.
Кто-то душу облегчает, тайну рассказав свою, —
Изнываю я от тайны, той, которую таю.

* * *

Любая детская игра всегда отрадна мне.
Ребячий беззаботный смех всегда отраден мне.
На крыше пара голубков в одном гнезде, в ладу,
Согласье этих голубков всегда отрадно мне.

* * *

Волен я бежать волной, но в себе не волен.
Бьюсь о камни головой, чем и недоволен.
Мать пощечину дала за дело на пороге,
Чтоб ценил всех высоко, кто ведет в дороге.

* * *

Мама, белым молоком ты меня поила.
Мир надежд мне отдала, веру подарила.
Обо всем, что сына ждет, о большом и малом
Ты над люлькою моей песней возвестила.

* * *

Мы ненавидим всех, кто мира не желает.
Мы ненавидим всех, кто песню убивает,
Мы не хотим живущих убивать,
А мы хотим умерших оживлять.

* * *

Основа мира суть моей основы.
Я — сын земли и суть всего земного.
И всякий раз, когда стихи печаль сжигают —
Я знаю — это пращур напевает.

* * *

Мое сердце жаждет правды и в груди горит,
О страданиях всех умерших миру говорит.
Скажешь: «Сердце, свалка мертвых, что желают
жить».
Пращур в сердце оживает и в душе парит,

* * *

Я весь дитя земли — простор вершин и гор.
Паденьями с вершин всегда бываю горд.
Бумаги чистый лист есть зеркало души,
Самопознания свет и откровенья взор.

* * *

Смотри — зияет рана сердца моего.
Прильни к лампаде сердца моего.
Чтобы вкусить всю горечь жизни до конца,
Испей глоток из чаши сердца моего.

* * *

Мы были едины, как речка, что светит сквозь
тьму.
Как дельты речной рукава стали мы. Почему?
Друзья моей юности, где вы, о где вы, о где?
Зачем далеки друг от друга теперь, не пойму.

* * *

Рядом с милой мы другую вспоминаем.
Аромат другой с волнением вдыхаем.
Сердца нет уже, одна мечта осталась,
И напрасно жизнь сначала начинаем.

* * *

Умершего земле сегодня предаем.
Нам кажется, вот-вот и сами мы умрем.
Тяжелый камень на могилу возлагаем,
Добро и зло свое считаем — не сочтем.

* * *

Сколько слов с трибуны перемолото.
Слово — серебро. Молчанье — золото.
А с трибуны говорить никогда не рано
То, что шепчем на ушко, потихоньку, спьяну.

* * *

Хвастун, ты матери своей неблагодарен.
Твой день вчерашним днем тебе подарен.
Все наше будущее — в памяти былого.
Твой хлеб пшеницей прошлого заварен.

* * *

Ты видел на луне подобья черных пятен?
Тот знак мужчинам раненым понятен.
В огнях разлук обуглились они.
Жизнь вероломной женщине сродни.

* * *

С глаз долой, из сердца вон, милая, пойми.
Как река без берегов сердце меж людьми.
Жизнь, что в поисках дорог горестно прошла,
По какой из тех дорог и куда ушла?

* * *

Жизнь не сердцем, а умом сократила дни.
Между улиц, площадей растеклись они.
Все, что было, отошло. Потерял — ищу.
Как убило сердце ум, я понять хочу.

* * *

Во всей вселенной этой ночью только двое:
Жених с невестой. И звезда над головою.
А если б жизнь их разлучила? О, едва ли
Они бы с жизнью расквитаться пожелали.

* * *

Дорога — это жизни узнаванье.
Глаза — дверь в мир прекрасного дерзанья.
Рассвет, умытый ветром, — солнца лик.
День — в завтра дверь и смысл предначертаний.

* * *

Могила исправит горбатого,
В горбе своем невиноватого.
Стройный стан жизнь нам горбатит
И каждого виноватит.

* * *

Да не состарится поэт! Да не настанет день,
Когда и жить, и петь любя поэту будет лень.
Он дарит вам рудник души, пока не поздно — вот.
Настанет день, поэт от вас, не старясь, отойдет.

* * *

Любо мастеру признание близких и эпохи.
Но завистников бездарных наушенья плохи.
Ветвь под тяжкими плодами оборвется, либо
Проходящие разграбят, не сказав спасибо.

* * *

Кто вертится вокруг кувшина для вина,
Сползает в грязь, напившись допьяна.
В отверженности люди восклицают:
— Я жизнь ищу! Скажите, где она?

* * *

Это мгновенье сегодня уйдет.
Мгновенье без завтра. Но завтра придет.
Живем мы однажды для выбранной цели —
Нельзя растекаться воде из купели.

* * *

В сердца друзей весну я приношу,
В сердца влюбленных страсть я приношу.
От всех заблудших средь пустынь разлуки
Привет, и весть, и память приношу.

* * *

По нашей улице прошли невеста и жених
В сиянии надежд безоблачных своих,
Я в зеркало взглянул, морщины сосчитал,
Припомнились светло волненья дней былых.

* * *

Смуглолицая, я перстнем быть твоим хочу.
Всю судьбу твою с собою разделить хочу.
Если б знал, что верной будешь, если б
только знал,
Я бы груз твоих печалей пухом поднимал.

* * *

Как одолеть мне спуски и подъемы,
Без муки о тебе бродить по дому?
Без муки о тебе стихи мои, как лед.
Ведущие тебя — тобой ведомы.

* * *

Утоляю свою муку во твоей глухой тоске,
И печаль моя с твоею горечью накоротке.
А кому-нибудь живется очень просто, налегке,
Незаметно, жив он, умер — это, право, все
равно.

* * *

Друзья моей юности старыми стали,
Приладившись к жизни, от жизни устали;
Сердца проиграв, заболели сердцами,
И мудро считают ошибок детали.

* * *

Пока не ушел, по достоинству ль честь?
Пока ты живой, не дойдет твоя весть.
Истории опыт — закон мудреца,
Что ищет начало, считая с конца.

* * *

Бурливо река обрывается с гор.
Бунтует гордец с незапамятных пор.
Завистник свое пожирает нутро.
А умный умом обретает простор.

* * *

Для страданья и нужды я рожден.
Во пыли и во грязи я рожден.
Несчастливец я, что я не мудрец.
И счастливец, что мужчиной рожден.

* * *

Мы веселые, упрямые и юные идем,
Мы влюбленность, одержимость с откровенностью несем,
Говорят, что горстка пепла остается от огня,
Но пока не стали пеплом, мы должны гореть огнем.

СОКРОВИЩНИЦА ОЧЕЙ

Гимн глазам и свету. <i>Перевела И. Кашежева</i>	4
«В долгу мы перед небом и землей...» <i>Перевели И. Кашежева</i>	6
Учитель. <i>Перевела И. Кашежева</i>	6
«От рожденья любой человек — поэт...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	8
Столбы. <i>Перевела И. Кашежева</i>	10
«Если в сердце раны нет, ты не чувствуешь его...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	11
Тревога. (Думая о Чили). <i>Перевела И. Кашежева</i>	11
«Ты, как Земля, одинока, мать...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	13
Красота женщины. <i>Перевела И. Кашежева</i>	15
«Устав от сует, обращайся к надежде...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	15
Девушка-таджичка. <i>Перевела И. Кашежева</i>	16
«Первая любовь — зеленый плод...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	17
Девушка из кишлака	19
«Когда-нибудь я украду тебя у судьбы...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	20
О, молодость... <i>Перевела И. Кашежева</i>	21
«Так похожи друг на друга мы с тобой...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	22
Свидетельство истории. <i>Перевела И. Кашежева</i>	23
Через тысячу лет (Ответ завистникам Рудаки). <i>Перевела И. Кашежева</i>	26

ВДОХНОВЕНИЕ ОТ «ШАХНАМЕ»

Восемнадцатый сын Ковы. <i>Перевела И. Кашежева</i>	28
Плач Ковы по семнадцати сыновьям. <i>Перевела И. Кашежева</i>	29

Плач Тахмины по Сухрабу. <i>Перевела И. Кашежева</i>	30
Величие Рустама. <i>Перевела И. Кашежева</i>	31
Последний бой Рустама. <i>Перевела И. Кашежева</i>	32
Карающий дух. <i>Перевела И. Кашежева</i>	33
Дух Рахша. <i>Перевела И. Кашежева</i>	34
Защита. <i>Перевела И. Кашежева</i>	36
Завещание Фирдоуси. <i>Перевела И. Кашежева</i>	37
Утренняя звезда. <i>Перевела И. Кашежева</i>	38
«От каждой горы отобью камень малый...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	39
«Еще один день нами прожит...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	40

РАЗЕЛИ

«Лишь во имя человека человеком я умру...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	42
«Каждый миг от жизни слышу...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	42
«Я скитаюсь по улицам бытия...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	43
«Когда старик умирает...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	44
«Как бы ни были беспечны...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	44
«Все дары и тревоги мира...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	45
«Я своей любви ни одной до сих пор не забыл...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	46
«Вновь по ночам до рассвета...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	47
«Жизни коварство — это и мое вероломство...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	47
«Праздный нимб, что вокруг...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	48
«Новый мир отыщу, назову его дил...» <i>Перевела И. Кашежева</i>	48

«Обитель твоих очей...»	Перевела И. Кашежева	49
«Сто морей я переплыл...»	Перевела И. Кашежева	50
«Те, что страдают от жажды...»	Перевела И. Кашежева	51
«Искра взгляда моего останется...»	Перевела И. Кашежева	51
«Дух человека страждет от вечных сомнений...»	Перевела И. Кашежева	52
«Чуть капли дождя вешний сад окропят...»	Перевела И. Кашежева	53
«Мир насквозь пройду, но тебя найду...»	Перевела И. Кашежева	53
«Меня искала ты, но не нашла...»	Перевела И. Кашежева	54
«Приди, о новая любовь...»	Перевела И. Кашежева	54
«Твоя красота все ярче...»	Перевела И. Кашежева	55
«Пока в этой жизни тебя для меня не было...»	Перевела И. Кашежева	56
«Однажды чудо сотворю...»	Перевела И. Кашежева	57
«Приди, без тебя не звучать стихам...»	Перевела И. Кашежева	57
«Я состарюсь, но пусть будет...»	Перевела И. Кашежева	58
«Не скрывайся от взгляда...»	Перевела И. Кашежева	59
«„Я боюсь“ — „метарсам“...»	Перевела И. Кашежева	59
«На глаз твоих лучистый поток...»	Перевела И. Кашежева	60
«Помню тебя, как путник...»	Перевела И. Кашежева	61
«О, если б в этом мире...»	Перевела И. Кашежева	61
МЕЛКИЙ ДОЖДЬ.	Перевел М. Акчурина	63
ЧАША ХАЙЯМА.	Перевела Л. Васильева	93

Лоик Шерали

ЧАША ХАИЯМА

М., «Советский писатель», 1985, 144 стр.
План выпуска 1985 г. № 324

Редактор Э. В. Балашов
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор Г. В. Белькова
Корректор О. В. Селиванова

ИБ № 4579

Сдано в набор 20.05.85. Подписано к печати 26.07.85. Формат 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1175. Цена 60 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

60 к.

Г